

А.В. Венков

ВЁШЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

История казачества

Андрей Венков

Вёшенское восстание

«ВЕЧЕ»

2016

Венков А. В.

Вёшенское восстание / А. В. Венков — «ВЕЧЕ»,
2016 — (История казачества)

ISBN 978-5-4444-8575-0

Вёшенское восстание является одной из самых трагичных страниц истории Донского казачества. Уникальность этого восстания отмечали уже современники, одна из белогвардейских газет писала: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии – однако они все задавлены, и только восстание верхнедонцов из всех русских восстаний увенчалось успехом». Автор книги скрупулёзно восстанавливает атмосферу в станицах накануне восстания, пытается разобраться, что же стало истинной причиной восстания, делается акцент на судьбах участников восстания. Особый интерес вызывает раскрытая автором проблема выбора стороны – белой или красной, стоявшая перед простым казачеством. На страницах книги подробно описывается ход боевых действий, силы повстанцев, Красной Армии и Донской армии.

ISBN 978-5-4444-8575-0

© Венков А. В., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Вместо введения	5
Глава 1	13
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Венков

Вёшенское восстание

Вместо введения

Боже, как давно это было!.. Все, кто рассказывал мне о восстании, давно умерли. И материал этот я собираю ни много ни мало – тридцать три года. Собираю время от времени. Двадцать три года назад вышла моя первая книжка о нем, о восстании. Но мне и сейчас многое не ясно. И документы находятся с трудом.

Сама станица сильно изменилась. Выросла раза в три-четыре. Хату под камышовой крышей – «под чаканом» – в ней уже не найдешь. А вот полвека назад – да что полвека, хотя бы лет тридцать – сорок – она была совсем другой.

Мой интерес к событиям 1919 г. возник, можно сказать, случайно. После окончания Ростовского пединститута я работал учителем в Вёшенской средней школе, в которой до этого учился все десять лет. Преподавал я английский язык и историю, а из истории больше всего интересовался наполеоновскими войнами. И диплом в пединституте защитил – «Действия кавалерии в Бородинском сражении».

Какого-то особого интереса к казачеству у меня не было. И кажется мне, что этот интерес как-то гасился окружающими, словно взрослые оберегали детей от неких чрезмерных знаний. У двоюродной прабабки, сестры моего прадеда, высоко на стене висела самая блеклая из фотографий – красавцы-усачи с вензелями на погонах. Но маленькому снизу не разглядеть. А когда я подросток, то к прабабке ходил редко. Чего я у старухи забыл? А у нас дома и такой фотографии не было... Я родился на Урале в городе Магнитогорске и в станицу попал, когда мне было четыре года. Моя бабушка еще в Магнитогорске рассказывала мне, что за покорение Сибири царь Иван Грозный «пожаловал казакам реку Дон со всеми его притоками», но гораздо чаще она горько повторяла: «Казаки – все дураки. Сами не знали, чего искали». Сказанное ею, похоже, относилось к давно умершим, одной ей известным казакам, а ныне живущих хуторян и станичников она как бы и за казаков не считала. Еще с дошкольного возраста я твердо помнил, что мой родной дед Ельпидифор был командиром 1-го взвода 1-й сотни 1-го Кубанского полка 1-й Конной армии. Я и не знал, что по происхождению он был казак Вёшенской станицы.

Потом уже, через много лет, собирала археографическая экспедиция Ростовского краеведческого музея материал в хуторе Антиповском, и я с экспедицией был вроде проводника, и один старик, Иван Терентьевич Кухтин, перечислял, кто из казаков хутора участвовал в восстании: «Борщевы... Ломакины... Бурьяновы... Обуховы...» И не глядя на меня, но явно для меня уточнил: «А Ельпидифор Кисляков был у них в сотне писарем...»

Такие экспедиции и поездки по хуторам были явлением редким, а школьная жизнь – явлением устоявшимся и монотонным.

Но вот в один из субботних дней, когда последние уроки обычно заменяют горящими мероприятиями, нам объявили, что приехал знаменитый шолоховед Константин Прийма и будет выступать у нас в школе.

Прийма был прекрасный оратор («оратур», как говорила моя бабушка), он любил свою тему и, видно, вкладывал в нее душу. Громко и страстно, сопровождая свою речь величественными жестами, Константин Иванович вещал со школьной сцены: «...И вот, умирая, он написал: “Люди урду!..”» Мировое значение творчества Шолохова вставало перед нами «во весь свой прекрасный рост». Но большинству старшеклассников, своими глазами видевших на улицах станицы журналистов из разных стран (а кое-кто из учителей видывал еще Хру-

щева и Гагарина), было до фонаря, что думали о «Тихом Доне» люди урду, а ученикам восьмых классов само название «урду» было несколько непонятно и даже смешно. На задних рядах постепенно начались разговоры. Легкий, но нервирующий оратора шум грозно навис над залом. Некоторые зевали.

И тогда Прийма стал рассказывать о восстании, о Двадцать восьмом полку, о Харлампии Ермакове, о попытках начать переговоры, о стрельбе по парламентарам... Ох, и говорил же он! Испуганная, звенящая тишина установилась вдруг в зале. То, о чем отрывочно и обычно подвыпив позволяли себе говорить редкие уцелевшие деды (сопровождая рассказы словами «Слухай, как оно на самом деле было, а все, что вам читают, – брехня»), вдруг полилось со школьной сцены и сопровождалось такими подробностями, что где там дедам... Секретные директивы, троцкисты, количество расстрелянных, Сырцов, Кудинов, архив Дзержинского. «Казаки были вынуждены начать восстание!..» Вынуждены! «Да, так оно и было!» – горело у всех в глазах.

«Они смотрели на него, как будто он их реабилитировал и восстанавливал в каких-то правах», – думаю я сейчас, вспоминая ту субботу. А тогда я вместе со всеми слушал, раскрыв рот, и мне казалось, что я давно уже догадывался о существовании здесь, у нас, какой-то тайны, что она несколько раз уже приоткрывалась мне совсем случайно, но я не знал и потому не видел, а теперь наконец увижу, и это будет совершенно невероятная тайна и совершенно блестящее открытие.

Да, перегибы – это очень эффектно. Это бьет по нервам. «В станице Вёшенской планировалось расстрелять 800 казаков. Тех самых, что открыли фронт Красной Армии», – говорил тогда Прийма. И это была правда.

Бросая фронт, казаки подписали мирный договор с Красной Армией, они договорились, что пропустят советские войска на юг добивать Краснова. 28-й полк пришел в окруженную станицу Вёшенскую и разогнал все бывшие здесь власти, в том числе и штаб Северного фронта белых. А потом, когда казаки разошлись по домам, их стали арестовывать и расстреливать. Кто? За что? Была секретная директива... Таким образом, троцкисты спровоцировали восстание... Хорошо говорил Константин Иванович. Не знаю, как школьники, а я, учитель, поверил.

Первым делом, придя с работы, я спросил у бабушки: «Ба, расскажи, что за восстание тут было? Из-за чего началось?» – «О-о! Восстание...» Все, что она с готовностью рассказывала мне, дословно я не передам. Что-то горькое, радостное и ускользающее было в ее словах. Теперь я знаю, что некоторые факты и события она намеренно искажала, и за эти искажения я уважаю ее еще больше. Она всегда мне много рассказывала, и очень многое я пропускал мимо ушей. Но в этот раз я ловил каждое слово. Возможно, больше говорил я. Пересказывал ей речь Приимы, а она подтверждала и добавляла от себя. И все было так, да не так... Чего ж не хватало мне тогда? Я настойчиво выспрашивал и требовал подтверждений. Она видела, что мне чего-то не хватает в ее словах, может быть, она даже чувствовала себя виноватой, торопливо вспоминала новые подробности, повторяла старые. Мы оба как на ошупь искали что-то. Что?.. В ее словах не было и тени призыва к восстановлению справедливости, именно того, на что толкала речь Приимы.

«Ведь вы все – красные. Вы – за Ленина. Вас с Лениным троцкисты поссорили. Троцкисты виноваты...» – казалось, вдалбливал нам Прийма. А она вроде бы руками разводила: «Ну какие же мы красные?..»

«Когда восстание началось, дед был во дворе. Глядим, бежит...

– Где ребята? Чтоб сейчас – домой.

Дядя Василий хотел идти, а дед ему:

– Чтоб с хаты ни шагу.

– А где твой отец был?

– Его не было.

– А где ж он был? За Донцом? Отступал?

– Да...

– Ну, дальше...

А потом уже, летом, пришли красные, а мирошник ведет их к деду.

– Здесь такой-то живет?

– Здесь.

Они заехали и говорят:

– Теперь вас никто не тронет. Мы насовсем пришли...

– Когда это было?

– Летом...

Я гляжу, мирошник идет через задний баз.

– Василий Омеляныч дома?

– Дома.

– Тебя, – говорит, – спрашивают.

А дед был на базу, скотине давал. У нас вот так была конюшня, а вот так – катухи, а вот так – навес меж ними. Там всегда бороны стояли, плуги. Так вот, дед что-то под навесом делал. Как осень, он там всегда правил, чинил что-нибудь. А тут скотине давал и под навес зашел...»

И потом (не один же вечер мы говорили о прошлом!) сколько я ни выспрашивал – кого арестовали, кого расстреляли, кто все это делал, – она, как мне кажется, невольно сводила разговор к тому, сколько у них было коров, сколько лошадей, что когда сеяли, когда убрали, сколько в амбаре было закромов и сколько во дворе собак (как сейчас помню – Уркан и Тузик). Может, это и было главным в ее рассказах. Для нее не было восстания самого по себе. Восстание было большой и страшной, но лишь страницей жизни. Чтобы прочитать эту страницу, не обязательно вырывать ее из книги. Лучше прочесть всю книгу, все страницы. А большинство их и было наполнено катухами и амбарами, сенокосами и ярмарками, рождением детей и выходами в церковь.

Позже, в страшные и суматошные 1990-е гг., когда мои собственные дети капризничали и не хотели засыпать, я начинал пересказывать им про то, какие в конюшнях стояли лошади, как звали собак – все, что помнил из рассказов бабушки, – и они странным образом успокаивались и быстро засыпали.

Другие, кого я расспрашивал, тоже особо не распространялись. Шел конец 1970-х гг. – «период расцвета застоя». Порядки казались предельно незыблемыми. Кто собирал материал о «белогвардейцах» и «белогвардейщине», обязан был «разоблачать». Я же хотел наших местных повстанцев «реабилитировать». Очень уж доходчиво Прийма нам тогда все объяснил. Но когда я начинал пересказывать содержание его выступления кому-нибудь вне школьных стен, слушатели относились все равно настороженно, недоверчиво или (те, кто старше) смотрели на меня как на человека очень наивного.

Я собирал, копил материал, много записывал – от руки и на магнитофон. Много чего начитался, много чего наслушался...

Слышишь громкую молву?

«Наши руки не ослабли.

Для похода на Москву

Мы точили наши сабли.

Как отточены клинки,

Пусть враги узнают сами», —

Повторяют казаки —

Волки с синими глазами.

Сергей Марков. «Шемаханская царица»

«Раньше все было, а потом в 33-м году было вредительство, и вот с тех пор и по сегодня ничего нет» (соседка-старушка, из записи 1980 г.).

«Раньше была “революционная совесть”, “тройкой” называлась. Чуть что – “руководствуясь революционной совестью” – и все – расстрелять!» (дед Чучуев).

«Ну а если б их не разбили, сами бы они перешли на сторону советской власти? – Ну-у! Дождешься! Они такие заядлые были. Опора трона и самодержавия. Нас и за людей не считали...» (из разговора на станции Миллерово.)

«Конопля шла на масло и на веревки. Масло было горчичное, и масло было льняное. Из льна еще мешки ткали, свои станки были. Коз почти не было, старики были против. Так, несколько штук на пух держали. В постные дни ели рыбу на постном масле. Горох варили, чечевицу, фасоль – меньше, пшенную кашу на тыкве. Молока было много. Мама-лыгу из кукурузы, саламату из ячменя – все с молоком ели. Тыкву пекли, кашу из нее делали, пирожки с тыквой. Кур было много. Поросята имел каждый на сало. Свиньям варили тыкву и мякину от соломы, зерном не кормили. Летом свиньи в луке, там и поросются. На зиму пригоняли или они сами приходили. Свиньям и собакам мололи овсяную муку. В день пуд муки уходил. Осенью мочили коноплю, а зимою пряли на полотна. Конопляные брезенты (ватола) на арбу настилали, когда зерно возили. Весной из конопли бечевки делали.

Рыбу ловили в речках. В каждом хуторе мельницы были, запруды, там – рыба. Пескари, караси, сазаны. Хищную рыбу не водили. А в Дону уж всякая рыба. Как дождь, гроза, ее ловили, солили в бочках, потом соль вымывали и вялили.

Арбузы садили по гектару, сами ели или свиней кормили, варили арбузный мед.

В пост молока и мяса не ели, а пост по три-четыре раза: Филипповка, Заговенье, сам пост. По средам и пятницам тоже мясо не ели. В пост молока не ели – все телятам шло, они и выходили хорошие. Зато в мясоед наедятся – борщ со свиной, с говядиной, лапша с гусятинной.

Виноград редко кто держал, надо закапывать. Сады были по гектару. Груши, яблоки, сливы. Вино сами делали из малины.

В магазинах продавали одну селедку, конфеты, пряники, табак. А так все свое было. Кое-кто и табак выращивал. Рассаживали его, как помидоры, листья у него, как у капусты. Вялят, как листья сухие, так курят. В Ежовке специальная плантация была.

Пили редко – на престол и на ярмарках. Молодежь не пила, ей денег не давали. На ярмарке продавали скотиняку и одевали-обували семью. Старые брали матерьял тюками, шили и молодым распределяли. Готовую одежду редко брали. Шубы портные шили, за работу по 5 рублей брали.

Как на ярмарке – всех сразу видно. Кацапы, те в сатине, в рубахах цветных и красных. Хохлы, те в штанах на шнуре, в чунях, в ботинках, рубахи у них холстинные, вышитые, а полушубки морщенные, рукава длинные. У казачек юбки покупные, длинные клешенные, а у хохлушек прямые, морщенные, и ленты по подолу» (А.Т. Нечаева).

«Мы были малограмотные, такие, как Мишка Кошевой. Нам сказали, что нас пошлют под Петроград, а мы не захотели. “Хотим на Дон” – и все. И пошли... Потом Буденный нас обезоружил... Я? Нет, я не казак, мы иногородние, вся фамилия...» (из разговора с ветераном.)

«Саботаж? Да это специально делали, сажали всех... Хотели, чтобы казаки восстали...» (из разговора в междугородном автобусе.)

«Весна – не весна, снег был талый. Так скачут, снег и грязь – вверх выше голов! “Восстание!...”» (А.Н. Борщева.)

Как Вешки занимали, один дед – беженец – из-за плетня шумит: “Давай, давай, петлюровцы!” (она же.)

«Мой отец служил в Атаманском полку, у царя во дворце. Конь у него был темный, гнедой. Как им стоять во дворце на часах, их затягивали. Ремень вокруг головы обтянет, а потом тем ремнем подпоясывается. А на пасху у них на посту стоит тумбочка, а на тумбочке – тарелочка. И вот идут царь, царица, говорят: “Христос воскрес” и кладут в эту тарелочку яичко. А они отвечают: “Воистину воскрес, ваше величество!” А командир полка у них был сам царь. Отец говорил – царь был небольшой и рыжий.

А когда со службы они ехали, то везли сундук добра. Вот когда приедет, собираются соседи: “Ну, служивый, показывай, что привез”. Он раскрывает сундук и показывает – шинеля, одежда летняя, одежда зимняя, сапог сколько пар, перчатки, белье, пальто городское, подарки какие.

А дядя Ефим был атарщиком. Ручищи у него были – во! Как накинёт на какую лошадь аркан, как дерганет, так она и перепрокидывается. Ни одна на ногах не устоит. А конь у него был светло-рыжий, и сам дядя был рыжеватый.

А дядя Василий был дедов любимый, сам был красивый, драчливый такой, задачный. Он тоже был атаманец. Как идти ему на службу – поехали коня выбирать. Смотрели, смотрели, ни один не подходит. Не нравятся и все. Понравилась ему кобыла одна. Рыжая, лысая, белоногая. Красивая, как игрушечка. Ни с тем – покупайте и все. А на кобылах в гвардию не брали. А он – все равно: “Купите, только на ней пойду, и больше мне ничего не надо”. Тогда дед ездил просил станичного атамана, а тот атаман ездил просил окружного атамана, чтоб разрешили идти служить на кобыле. Он ее приучил, она за ним как собачонка ходила. Он рукой себя по левому плечу похлопает и идет, а она идет за следом и мордой ему плеча касается.

Они с моим отцом служили вместе. А дед ездил к ним в гости на позиции, и там сфотографировались.

Дед был темный, красивый, на Сталина похож.

А дядя Костя был армеец, и конь у него был бурый. Его провожали в армию. Он был позже всех. У него был друг – Ваня Самовольный. Все на полях, а он наденет лаковые сапоги и приходит: “Ваш Костя пойдет на улицу?”

А летом, как станет жарко, кони бегут домой всем табуном. Отцов конь впереди. В конюшне ж прохладно. Помню, раз жарко так было, и бегут. Дед кричит: “Уберите детей с база, кони!” Ворота закрыты, и они через ворота – раз! В конюшню забегают, станут и храпят.

Хозяйство было большое, четырнадцать дойных коров, и такого, гулевого, скота много.

А бабу Малашу приезжали сватать, ей 17 лет было. Муж ее, Федот Ермаков, был джигит на всю станицу, на скачках все призы брал. Конь у него был – Сокол. Рыжий, белоногий, весь как струночка. Федот был батареец. Отец у него был поганый. Задавался. Они как приедут, гуляют. Федот первый приезжает, и сразу пляшут. Станут в круг и по хате, по полу – так гвоздями – цок-цок-цок, целый круг выбьют. А отец его подъезжает уже выпитый и сразу: “Федот, иде Сокол?”

Раньше ведь так не пили и не дрались, как сейчас. Тогда гуляют – песни поют, пляшут, а если кто дерется, скандалит, его уже знают. Сразу: “Иди сюда, иди сюда, давай выпьем”. И поют, пока он уже не свалится, и тогда лежит и никому не мешает.

Раз дядя Василий пошел на игрища, и там задрались. Дед слышит – дерутся. “Ая-яй, ая-яй, – кричат, – драка”. Дед встал, берет арапник и пошел. Как дал им там: “Чтоб сейчас домой!”» (моя бабушка.)

«Где сейчас инкубатор, раньше были станичные конюшни. Отсюда в восстание я отца и их четверых провожал.

– Они все четверо в восстании были?

– Все четверо. Как восстание началось, повесили списки, кого собирались расстрелять, и они все четверо в этих списках были, и все четверо восстали» (Н.Т. Борщев, из записки 1983 г.).

Я видел их (не всех, конечно) на старом пожелтевшем снимке – большеглазые brunеты с правильными чертами лица. Вот прадед с медалью на груди, вот рядом его отец, вот – младший брат, вот с ними еще кто-то – грудь белой краской замазана. Послюнили фотографию, оттерли – под краской Георгиевский крест... Этот тип здоровенных большеглазых темноволосых красавцев я часто встречал на семейных фотографиях в хуторах по речке Решетовке. Оно и понятно. Жили замкнуто, роднились между собой. Хорошая половина хутора носила, как правило, одну фамилию.

Помимо бабушки была еще одна не менее авторитетная личность, знающая, казалось, всю станицу и всех знаменитостей на Верхнем Дону – ее родная тетка Меланья Васильевна.

Меланья Васильевна – «баба Малаша» – не отличалась терпимостью моей бабушки. Если она что вспоминала и рассказывала, то громко хаяла красных, и особенно – китайцев, невесть откуда взявшихся на Дону, и демонстративно сожалела о старых временах, когда в хозяйстве ее отца было 14 дойных коров, табун лошадей и уйма другого скота. Первый муж ее пропал в отступлении зимой 1919–1920 гг., второй ушел в банду к Фомину, и в третий раз она вышла замуж за «красного партизана» Попова Тимофея Ивановича («Мне батя сказал: “Иди за него, Малаша, иди. Раз у них такая линия – всех кулаков перевести, то нас они точно переведут. Может, ты спасешься”). Тимофей Иванович, человек малограмотный и на редкость невозмутимый, за всю свою жизнь, по его словам, волновался всего два раза. Первый – когда померла его прежняя жена, второй – когда попал в руки Фомина и сам Фомин приказал отвести его в яр и отрубить ему там голову. После Гражданской войны он занимал ответственные посты на уровне председателя колхоза, уцелел во время чисток, саботажа и вредительства и умер в 1950-е гг., оплакиваемый родными, близкими и соседями. За всю совместную жизнь он не сказал Меланье Васильевне худого слова, только похваливал за трудолюбие. Но последнее время она все же чаще вспоминала своего первого мужа, Федота Ермакова, первого джигита станицы, лихого батарейца, провалившегося под лед, заболевшего и умершего в отступлении.

А вот документ: «17.03.19 г. Михайловка. Следователь Борисов донес, что наш отряд в 130 человек окружен в Крутковском. Примите самые энергичные меры к освобождению окруженных и уничтожению восставших. Химические снаряды вам посланы. Княгницкий, Барышников»¹.

Архивные материалы, казалось, хранили сгустки нерастроченной злой энергии, энергии борьбы не на жизнь, а на смерть. Жестко, беспощадно, с классовых позиций...

Донбюро РКП (б): «Если Советская власть на Дону вместо энергичного дела станет снова уговаривать контрреволюционные элементы, то этой Советской власти придется опять быть ниспровергнутой кулацкими восстаниями при помощи иностранных штыков.

...Этих коммунистов должно быть больше пришедших из Москвы и Петрограда с большими опытом и энергией»².

«Организуется опять центр работы на Дону и опять во главе ее становится Сырцов. Как будет дальше, судить не трудно, ибо и Сырцов, и Васильченко всегда стараются подобрать таких товарищей, которые поддержат их независимо от их качества как партийных людей. Начинается та же история, какую мы три раза переживали. А. Фролов, штаб 9 армии»³.

¹ ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 670. Л. 19 об.

² ЦДНИРО. Ф. 910. Оп. 3. Д. 661. Л. 58.

³ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 137 об.

«Это восстание было поднято тем казачеством, которое в конце 1918 г. выразило покорность Советской власти и было распущено по домам с оружием в руках, что явилось, конечно, большой ошибкой. Теперь казаки выступили под эсеровскими лозунгами»⁴.

Да, с классовой точки зрения все было просто и ясно: идея «их обидели – они восстали» здесь не проходила. Прежде всего, единства не было среди самих казаков. Компактная масса, как копна сена в степи, раздергивалась ветром революции. И несло клочья по выгоревшему, некошеному колючему полю, пока не прибывало – кого к лагерю белых, кого – к противоположному. Но овеваемая копна, уменьшаясь в размерах, все высилась посреди поля, удерживая, не давая насовсем оторваться, все стояла в глазах символом единства казачества. А ветер усиливался...

Вся Гражданская война – процесс расслоения казачества. От дней калединщины, когда казаки целыми полками во главе с офицерами шарахались от красных к белым и обратно, и до времени, когда на два противоположных непримиримых лагеря раскалывалась семья.

Процесс этот был долг и мучителен. И классовый подход объяснял четко и ясно – почему. Из десяти казаков Вёшенской станицы два были богаты, шесть считались середняками, но по среднероссийским меркам походили на кулаков, и два казака были бедны. Причем один из них из кожи лез, чтоб «выйти в люди», но не везло ему – то падеж, то неурожай, а другой сдавал свою казачью, по закону положенную ему землю в аренду, жил на арендную плату, хозяйства не имел (почему и считался бедняком), а сам в лаковых сапогах гулял по станице и громко кричал о попрании казачьих прав, засилии хохлов и на прочие злободневные темы.

Когда началась Гражданская война, двое богатых сразу же стали белыми. Один из бедняков, поколебавшись немного, ушел к красным, второй побывал в обоих лагерях по несколько раз.

Лозунг его был: «Грабь!» Вся сложность с шестью середняками. Достаток свой они имели благодаря упорному, окропленному кровавым потом труду, но достаток был «всем достаткам достаток», и такие вещи, как продразверстка, хлебная монополия и реквизиции, встречались шестью середняками в штыки. В 1918 г. по всей Донской области 18 % боеспособных казаков ушли в Красную Армию, 82 % были «в белых». В отдаленных станицах степень расслоения была еще меньше. В Вёшенской за весь восемнадцатый год из казаков исключили «за большевизм» всего одного человека – батарейца Василия Кухтина, бежавшего в Красную Армию. Причем родной брат его после этого еще полгода оставался «в белых» и даже «Георгия» от них имел. Вся Гражданская война – мучительные колебания этой «шестерки» середняков. И восстание в Вёшенской, исходя из классовых позиций, – самое яркое проявление этих колебаний.

И ехал я как-то из Каргинской к двоюродной бабке на хутор Грушенский. Подвозивший меня шофер, молодой – моложе меня – парень, рассказал, что, по словам стариков, вот у этого дома (мы ехали через хутор Лученский, и он кивнул в окошко) убили хозяина в восстание. Конные красные отступали через Лучки на Боковскую, а казаки, в том числе и лученские, наседали на них, две цепи конных двигались одна за другой. Хозяин дома, преследовавший красных, уже подсакивал к своему двору, когда ехавший последним красноармеец придержал коня и выстрелом из винтовки выбил его из седла. Выбежавшие из хаты встречать казаков домочадцы натолкнулись на лошадь, тащившую в раскрытые ворота их отца и мужа, застрявшего ногой в стремени...

Вот тебе и колебания, вот тебе и классовый подход...

Иногда мне очень хотелось хоть одним глазком самому посмотреть на ту жизнь, представлявшуюся мне сплошным сражением. И странным показалось найденное в архиве

⁴ Гражданская война. 1918–1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк действий Красной Армии. М.—Л. 1930. С. 234.

письмо некоего Сосновского, директора училища из станицы Казанской, написанное летом 1919 г. В письме осуждалась «удушливая и безжизненная атмосфера станицы... где, даже при самых спокойных обстоятельствах, предстоит полное духовное умирание»⁵.

Что ж, материала я насобираю много...

Итак, сырое мартовское утро. Всадники, всадники, всадники на разбитых донских дорогах. Снег и грязь летят из-под копыт в серое небо. Над хуторами колокольный звон, разрозненная стрельба и неумолчный гомон майданов. Восстание!..

Впрочем, начнем-ка мы на год раньше, чтоб яснее было...

⁵ ГАРО. Ф. 3997. Оп. 1. Д. 242. Л. 56–56 об.

Глава 1

«Мы все как один готовы в любой момент...» (Из резолюции одной станицы)

Весна 1918 года. Калединщина, которую Ленин считал одной из главных опасностей для революции, разгромлена. Часть казаков-фронтовиков, уверенных, что дело сделано, мир с Советской властью установлен, «приняли Советы», разошлись по домам к хозяйствам... Другая часть казаков-фронтовиков (пожалуй, большая) расходилась по домам, ошеломленная политическими событиями, их не понимая и не желая понимать, не учитывая ближайшего будущего. Эти казаки бессознательно проводили политику нейтралитета в Гражданской войне, который им сознательно прививали некоторые идеологи казачества, выражая линию принципиального аполитизма.

Организационного аппарата для проведения выборов в станичные Советы и военно-революционные комитеты не было.

Партийные организации были заняты борьбой с меньшевиками и «не могли уделить сколько-нибудь сил области и казачьим округам. Домашняя патриархальная обстановка очень скоро стерла поверхностный революционный налет с казаков-фронтовиков. В большинстве станиц власть осталась у «отцов», «дедов», «стариков» – так оценивал обстановку весны 1918 г. Донской комитет РКП(б). Он взялся устанавливать советскую власть на Дону летом 1919 г., уже после интересующего нас восстания, и анализировал предыдущие события.

На севере Донецкого округа попытки революционных фронтовиков взять власть в свои руки были пресечены с самого начала.

Приказ о введении советской власти поступил в станичные правления по телеграфу вместе с другими декретами от новых властей. Созванные специально для решения этого вопроса станичные сборы долго и упорно отказывались вводить советскую власть. В центр посылались делегаты «для ознакомления с новыми порядками».

Лишь в марте, после ряда категорических требований и приезда делегатов с окружного съезда, сборы по станицам «решили подчиниться необходимости и избрать совет»⁶. В «Совет» вошли прежние станичные правления в полном составе. В Мигулинской и Казанской станицах председателями стали бывшие станичные атаманы – И. Дрынкин и К. Дронов, в Еланской – помощник станичного атамана Н. Мельников, и лишь Вёшенский станичный Совет возглавил прибывший «из Красной гвардии» полный георгиевский кавалер подхорунжий Харламбий Васильевич Ермаков. Подобного рода замены произошли и на хуторах.

Вывеску поменяли, но суть была прежняя. Призывы о мобилизации против приближающейся германской агрессии остались без ответа. Из Каменской грозили прислать войска и «разогнать контру». Станичных атаманов и некоторых местных «деятелей» требовали на суд в округ, но станичные сборы, сохранившиеся при новой власти, становились на защиту, и вызываемые не ездили.

Не лучше было положение и по всей области. На областной съезд Советов все казаки округа послали ровно столько делегатов, сколько выслали крестьяне одного Таганрогского округа. Причем «делегатами от станиц были длиннобородые седые старики, завсегда таи войсковых кругов»⁷.

⁶ Кожин А. В верховьях Дона // Донская волна. 1919. 12 мая.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 34. Л. 135 об.

Обстановка в это время была напряженная. Областной съезд часто прерывал работу – под Новочеркасском шли бои с восставшими казаками Кривянской и Заплавской станиц. Кое-кто под шумок лез к власти, делал карьеру. Таким был делегат от Еланской станицы вахмистр Яков Семенович Родин, кавалер медали Святой Анны за подавление «беспорядков» в Одессе в 1905 г. Когда обсуждался вопрос о переговорах с «главарем мятежников» есаулом Фетисовым, Родин прорвался на трибуну и заявил: «Никогда этот мерзавец не подчинится и ни разговаривать, ни рассуждать не станет. Сейчас же, этой секундой надо выслать отряды. Я настаиваю на этом», – чем вызвал аплодисменты. Бравого вахмистра заметили, и от партии левых эсеров он был избран кандидатом в члены ДонЦИКа.

Через три недели Я.С. Родин стал членом суда над экспедицией Подтелкова.

Оглушенные стрельбой и непонятными лозунгами, старики-делегаты дружно проголосовали на съезде за списки большевиков и левых эсеров и с чувством облегчения вернулись в свой «тихий угол».

Вместе с ними на Верхний Дон хлынули искавшие прибежища «водители» разбитых контрреволюционных отрядов. Известный всему Хоперскому округу авантюрист и «социалист» Дудаков объявился в станице Мигулинской под фамилией Сидоренко и вскоре стал заведовать в Верхне-Донском коопсоюзе яичным отделом.

Под влиянием таких «гостей» на Верхнем Дону в начале апреля зародилась мысль отмежеваться от беспокойной Каменской и, основываясь на постановлении одного из календинских Кругов, организовать свой округ – Верхне-Донской. «Был созван съезд представителей от казаков станиц нового округа и был избран окружной совет, состоявший из заклятых врагов Советской власти», – вспоминали сами белые⁸.

Последняя телеграмма в центр с Верхнего Дона пришла 23 апреля и гласила: «Советская власть Верхне-Донского округа организована Вёшенской. Распоряжения направлять Вёшенскую, подробности почтой. Председатель Поляков»⁹. После этого, ссылаясь на весенние полевые работы, Совет прервал связь с Ростовом и Новочеркасском окончательно.

Кто такой был «председатель Поляков» – пока неизвестно. Один лишь раз промелькнуло в печати, что «в Вёшенском окружном Совете председателем был даже расстриженный поп, отчего власть эта никогда не пользовалась авторитетом среди широких слоев и трудящихся масс на Дону»¹⁰.

Весной 1918 г. на Дон надвигалась волна немецкого нашествия. Советские украинские войска с боями уходили на восток, впереди них катилась орда дезертиров, анархистов, просто бандитов. Грабежи и бесчинства этих элементов, прозванных в народе «чертовой свадьбой», давали прекрасный агитационный материал в руки белых. Положение советской власти, которая держалась на Дону лишь в пролетарских центрах, стало критическим. Белые воспрянули духом. Гремели бои под Новочеркасском и Александровск-Грушевским.

В этой сложной ситуации основной задачей большевиков было не допустить вторжения немцев на Дон, а если это случится, то локализовать конфликт и не дать ему разрастись в германо-советскую войну. Чтобы лишить немцев повода вторгнуться на территорию Донской области вслед за отступающими советскими украинскими войсками, была дана телеграмма за подписью В.И. Ленина, требовавшая разоружения всех войск, переходящих границу Украины и Дона¹¹. Телеграмма подобного же содержания была разослана во все местные Советы пограничной зоны.

⁸ Кожин А. Указ. соч.

⁹ ГАРО. Ф. 3440. Оп. 1. Д. 4. Л. 137.

¹⁰ Правда. 1919. 7 февраля.

¹¹ Ленинский сборник, XVIII. Л., 1931. С. 64.

Для верхне-донцов все эти события были делом далеким и смутным. В хутора доходили неясные слухи о боях под Новочеркасском, под Морозовской, об угрозе немецкого нашествия.

Гролом среди ясного неба стала телеграмма из окружного Совета о том, что «положение катастрофическое, необходима всеобщая мобилизация».

«Что за катастрофа? Против кого мобилизация?» – заволновались хуторяне. «Большевики вторглись в округ, режут, грабят и жгут. Дон обещали отдать китайцам», – заявили домовитые, имевшие из станиц «самые последние» новости.

29 апреля немецкие войска заняли станцию Чертково и перерезали Юго-Восточную железную дорогу. Прямая связь Ростова и Новочеркасска с Москвой была прервана. Помимо этого занятием Чертково немцы отрезали от центральной России советские украинские войска, перешедшие донскую границу в районе станции Миллерово. Поэтому некоторые украинские отряды решили пробиваться на север, в Воронежскую губернию, кружным путем, походным порядком через верхнедонские станицы.

Тираспольский отряд 2-й социалистической армии высадился на станции Шептуховка и проселочными дорогами двинулся на северо-восток, надеясь добраться до станции Калач. Путь его лежал через лучшие в округе черноземные земли Мигулинской станицы. Последней весточкой была телеграфная лента: «Я начальник Тираспольского отряда... Мне необходимо срочно получить русских 3-линейных патронов. Невысылка патронов может вызвать серьезные последствия для отряда»¹².

30 апреля председатель Мигулинского станичного Совета И.Ф. Дрынкин получил из хутора Сетраковского телеграмму, что в хутор прибыли на автомобиле шесть квартирьеров, за ними идет полк кавалерии, четыре батареи и пехота.

Незнакомый автомобиль видели у хутора Мрыхина и у самой станицы.

Отставному подъесаулу Ивану Федоровичу Дрынкину было уже за 70. Постоянным местом его обитания был хутор Верхне-Чирский, где в наемной полуразрушенной, разгороженной хате жила его жена и «четверо-пятеро» взрослых детей, не имеющих определенных занятий. Чтобы прокормить всю эту ораву, выход был один – вновь идти на службу. В четырнадцатом году Дрынкин баллотировался в станичные атаманы и собрал большинство голосов, но окружной атаман не утвердил его «по весьма преклонному возрасту...» и как «употребляющему спиртные напитки, оставившим это зло месяцев 6 тому назад, по всей вероятности, благодаря одному – что их достать негде, ввиду прекращения торговли...» В семнадцатом Дрынкин вновь баллотировался в атаманы и, благодаря «демократическим тенденциям», этого поста добился. В марте 1918 г. после долгих оттяжек он «перекрестился» в председателя «Совета».

Прекрасно понимая, что его председательство и атаманство прекратятся, как только красные придут в станицу, «народный избранник» апеллировал «к народу». Нарочные помчались с отчаянным призывом, и к вечеру выборные от ближайших хуторов уже были в Мигулинской. В разгар сбора, когда Дрынкин расписывал грабежи и насилия, чинимые большевиками, была получена вторая телеграмма из хутора Сетраковского о том, что туда «прибыла кавалерия, артиллерия и пехота, ведут себя спокойно, никого не обижают, за все платят».

Какие доводы приводил Дрынкин и что кричали его сторонники – неизвестно. Скорее всего, потрясали телеграммой из центра с приказом о разоружении переходящих границу частей, чтобы предотвратить «войну Дона с немцами». Красноармейцев пытались представить деморализованной массой, опасной даже для советской власти. Истинная подоплека выступления была не ясна даже «старикам», и «после недолгих размышлений сбор едино-

¹² ЦГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 160.

гласно решил предупредить кровавую бойню и разоружить красноармейцев. И для этого было решено объявить всеобщую мобилизацию от 20 до 55 лет»¹³. На что надеялись Дрынкин и пригревшиеся у него под крылом хоперские мятежники, пускаясь на эту авантюру, не понимали впоследствии даже сами белые. «Так вероятно и не выяснится, на что надеялись мигулинцы, вынося такое решение... Неизвестно было... что это за части, каковы у них планы», – писали белогвардейские газеты.

На сборе был сформирован штаб (или военный отдел станичного «Совета») из двух офицеров и двух урядников. Там уже мелькала рыжеватая бородка Сидоренко, «заведующего яичным отделом» кооператива, который давал дельные советы, а скоро стал писать приказы, распоряжения. По хуторам поскакали гонцы с приказом о мобилизации, план которой к утру 1 мая уже был разработан. Из хуторов на сборные пункты потянулись первые добровольцы-старики и кое-кто из фронтовиков.

Между тем Тираспольский отряд двинулся в сторону станицы Казанской. К тому времени разведка мятежников сообщила сведения о численности отряда, что заставило казаков призадуматься. В авангарде тираспольцев шел 5-й Заамурский конный полк, с ним несколько местных казаков (всего 300 сабель), за ними – 5-я мортирная батарея полковника Рыкова, отряд Илларионова, китайский батальон Якира, 74-й Ставропольский пехотный полк, остатки 254-го Северо-Донецкого пехотного полка старой армии и три легкие батареи. Всего до 2000 человек, 12 орудий, 52 пулемета.

Тем не менее начались переговоры повстанцев с красногвардейским командованием с упором на полученную телеграмму Ленина о разоружении, переговоры сопровождались рядом ночных налетов, во время которых казаки отбили всю красную артиллерию. Наконец, красная пехота сложила оружие¹⁴. Лишь 5-й Заамурский конный полк не поддавался на уговоры. Казаки открыли по нему огонь из захваченных орудий, и заамурцы, увидев разоружение и избиение своей пехоты, ушли на Богучар.

Разоруженных красноармейцев погнали на станицу Краснокутскую и по дороге на земле Мигулинской, Каргинской и Краснокутской станиц порубили 500 солдат Ставропольского полка и 225 китайцев¹⁵, как бы связывая казаков этих станиц одной кровавой поручкой. Оставшихся в живых пленных направили в Чертково, в австро-германский штаб. Из 177 посланных в Чертково прибыли 116, остальные бежали по дороге или были зарублены. Казакам досталось 12 орудий, 52 пулемета, 2000 винтовок и 15 000 патронов.

По всем дорогам скакали гонцы с воззванием «Братьям донцам от станичного сбора Мигулинской станицы». «Скоро, скоро наступит то время, когда мы, казаки, скажем свою волю открыто», – гласило воззвание и заканчивалось призывом: «Да здравствует наше будущее. Да здравствует донское казачество. Да здравствует Войсковой круг»¹⁶. Округ гудел, как потревоженный улей.

В самой Вёшенской было неспокойно. Революционно настроенные казаки-фронтовики поняли сущность окружного «Совета», несколько наиболее боевых готовили переворот. Сослуживец и друг Подтелкова Василий Кухтин тайно привез из Каменской оружие и распределил, кто будет брать здание телеграфа, кто разгонит или перебьет «Совет».

Известие об уничтожении Тираспольского отряда сотрясло станицу. Местные интеллигенты живописали зверства «красногвардии» и героизм мигулинцев, вставших как один на защиту родимого края. Фронтовики заколебались. В группе Кухтина объявился предатель.

¹³ Кожин А. Указ. соч.

¹⁴ См. подробнее: Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия в 1918 году. М., 2008.

¹⁵ Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. М., 1928. С. 282.

¹⁶ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 712. Л. 4.

За день до намечавшегося выступления, 3 мая, окружной «Совет» собрал съезд представителей станиц и, в связи с «вторжением на донскую землю разнузданных красногвардейских банд», объявил округ на военном положении. Вся полнота власти передавалась вновь назначенному заведующему военным отделом «Совета» полковнику З.А. Алферову. Прямо в «Народном доме», где проходил съезд, сторонники Алферова хотели арестовать Василия Кухтина, но тот, парень на редкость здоровый, отбилсЯ и ускакал в Богучар.

Вечером того же дня новоявленный заведующий военным отделом приказом «упразднил Советскую власть» и взял на себя функции окружного атамана.

Захар Акимович Алферов, уроженец станицы Еланской, по мнению очевидцев-земляков, делал карьеру под давлением своей сварливой и энергичной жены, дочери местного купца Симонова. Как и большинство лентяев, он, несомненно, имел задатки организатора. В строй его не тянуло. В 1904 году подъесаул Алферов был отчислен из полка в родную станицу обучать молодых казаков военным навыкам. Так и окончил бы он свои дни в неизвестности в захолустной Еланской, но жена заставила его сдать экзамены и поступить в военную академию. Вечно зеленые, но быстро облетающие при поражениях лавры полководца Захара Акимовича не прельщали, и он закончил военно-педагогическое отделение академии, намереваясь посвятить себя святому делу воспитания офицерского корпуса русской императорской армии. Война внесла в его планы свои коррективы. Революция застала его на штабных должностях в 4-й Донской дивизии и вновь зашвырнула в родные места.

Здесь он и был выдвинут в диктаторы, так как окружной «Совет» свято придерживался традиции, согласно которой в смутное время военная власть передавалась «старшему по службе» среди присутствующих офицеров.

Сознавая, что его таланты стратега оставляют желать лучшего, Захар Акимович вызвал из Казанской местного руководителя военного отдела генерального штаба капитана О.И. Савватеева и назначил своим начальником штаба. Савватеев впоследствии действительно проявил себя талантливым военачальником и достиг в Донской армии высокого положения и заслуженного генеральского чина. Станичным председателям, которых кое-кто уже именовал атаманами, были даны самые широкие полномочия скакать и агитировать за «свою казачью власть на платформе Войскового круга», а сам Алферов окунулся в высокую политику, разрабатывал планы удара на Миллерово и экспедиции в Хоперский округ, на что особо рьяно подбивал окружного атамана не преминувший открыться ему Сидоренко – Дудаков.

Из двух прямо противоположных направлений миллеровское в данный момент представлялось главным. С юга летели тревожные слухи, что несметные полчища красногвардейцев во главе с самим Подтелковым движутся вдоль полотна железной дороги с Лихой на Морозовскую, разоружают и разоряют окрестные хутора, сжигают их артиллерийским огнем. Уже 8 мая началась мобилизация «на Подтелкова». 9 мая с мольбами о помощи прибыли в округ гонцы Милютинской станицы...

Грозные «полчища подтелковского нашествия» оказались отрядом в сто человек. Казаки верхнедонских станиц окружили, разоружили и истребили этот отряд – «Подтелковскую экспедицию» – и казнили самого Ф.Г. Подтелкова, председателя Донского советского правительства. Это событие достаточно освещено в те времена и советской и белой печатью, а впоследствии ему был посвящен целый ряд исследований.

Большинство казаков отнеслось к громыхнувшему над округом событию «внимательно», но держало «нейтралитет». Северные станицы замкнулись в сонном оцепенении. Даже идея «поднять Хоперский округ» не всколыхнула их. Всего четыре сотни наскреб округ на этот поход. Дудаков, в штатском, но уже под своей фамилией, увел их 20 мая на север, откуда они вскоре вернулись, так как через несколько дней после их выступления Хопер полыхнул сам по себе.

Южные станицы лихорадило. Проходившие на Царицын по линии железной дороги красногвардейские части порывались отомстить за гибель подтелковской экспедиции. Несколько раз их отряды подкатывались к станице Милютинской, грозились сровнять ее с землей. Паниковала Каргинская, в 40 километрах от которой видели большевиков. Ждали, что сожгут они хутора, вырежут всех, кто выше колесной оси. Страшились возмездия и те, кто обманом извел Подтелкова «со товарищи», и те, кто не участвовал в этом злодеянии, но знал о нем.

Два полка выставили южные станицы округа против большевиков, ходили те полки на Морозовскую, рвались на юг, на соединение с «низовыми» мятежниками.

Все это время округ был отрезан от Новочеркасска: от Лихой, на Царицын, разрезая область на две части, протянулись эшелоны отступающей 5-й украинской социалистической армии Ворошилова. Чтобы установить связь с Кругом и донским правительством, верхне-донские «лидеры» послали своего представителя есаула Фолометова в Чертково к немцам, а через тех уже вошли в контакт с Красновым, выбранным к тому времени Донским атаманом. Первый курьер из Новочеркасска прибыл в округ 18 мая.

25 мая Алферов был утвержден окружным атаманом, в станицах спешно проводились перевыборы власти. Атаман Краснов сулил эпоху процветания и привольной жизни по прадедовским заветам. Отбитые у Тираспольского отряда деньги демонстративно были потрачены на открытие в хуторах Мигулинской станицы начальных школ. В окружной станице Вёшенской была открыта гимназия. «В такую минуту возрождения Всевеликого войска Донского, – рассуждали верхне-донцы, – у власти должны стоять люди положительные и степенные, а не деры и горлохваты». Прежних председателей-атаманов, взявших на себя кровь подтелковцев и Тираспольского отряда, переизбрали. Так, Харлампий Ермаков, вкусивший прелестей атаманской власти и не горящий особым желанием идти опять на фронт, пытался удержаться хотя бы на посту помощника станичного атамана, но не удержался – забаллотировали.

Летом по области была объявлена всеобщая мобилизация, но последовавшие волнения и начавшаяся уборка заставили отпустить часть призванных по домам. Тем не менее Донская казачья армия росла. Казаки, не вышедшие из возраста срочной службы, и подросшая молодежь были направлены в «Молодую армию». Все остальные начали сводиться в территориальные полки. Каждая станица выставяла по одному такому полку и давала ему свое имя.

Имели ли они что-нибудь против советской власти? Прежде всего, они толком и не знали, что такое Советская власть, не видели ее у себя в станицах и хуторах в это время. Слухи о зверствах «красногвардии», долетавшие с юга, о хлебной монополии и реквизициях, начавшие доходить с севера и востока, были для верхне-донцов пока только слухами. Реальностью была власть, опиравшаяся на подавляющее большинство «низовцев» и на зажиточных по всей области. Реальностью было начавшееся наступление Красной Армии на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

И вот спешно были сколочены полки верхнедонских станиц и брошены на Урюпинскую, где шли бои с отрядами Сиверса и Киквидзе, а заодно и в прямо противоположном направлении, на ближайший к округу город Богучар.

«Помните, не спасут Россию ни немцы, ни англичане, ни японцы, ни американцы – они только разорят ее и зальют кровью. Не спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки!» – летели им вслед слова атамана Краснова.

«Славься Дон и в наши годы!
В память вольной старины
В час невзгоды честь свободы
Отстоят твои сыны», —

пели казаки новый донской гимн (слова В. Гиляровского, музыка старинной песни «Всколыхнулся, взволновался...»).

«...Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики... Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна... Звенит и плачет, и зовет... То край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог родной и угол», – писал популярнейший на Дону автор, он же член (а потом и секретарь) Войскового Круга, Федор Крюков, и это творение его было введено в обязательную программу всех учебных заведений на Дону, в том числе и Вёшенской гимназии «имени павших за освобождение родного края».

С выходом Донской армии на границы области противоречия внутри казачьего лагеря обострились. Пленные сообщали, что «желания воевать у казаков нет. Все сводится к защите своих границ, и коль скоро советские войска уходят за границу Войска Донского, казаки прекращают преследование. Если же в силу приказов... и переходят границу, то главным образом с целью грабежа»¹⁷. Нежелание переходить границу кое-где вылилось в вооруженные столкновения казаков с офицерами.

Тыл разъедали интриги. Под произведенного в генералы Алферова успешно подкапывались его собственный заместитель полковник Дронов и «авантюрист с мировым именем», атаман станицы Каргинской Лиховидов. Пришлось новоиспеченному генералу уйти в отпуск, который затянулся на неопределенное время.

Казнокрадство процветало. П.Н. Кудинов, лежавший всю осень 1918 г. в госпитале Вёшенской станицы, вспоминал, что трофеи расхищались, жалование приходило в части с полугодовым опозданием¹⁸.

18 ноября 1918 г. одна из сотен 2-го Верхне-Донского пешего полка (из казаков старших возрастов) самовольно снялась с позиций и пошла в тыл за обмундированием.

«По домам! – кричали казаки. – Хватит вшей кормить! Долой золотые погоны! По домам!..» – «Мы отказываемся защищать Дон, а если придется, будем защищать свою станицу», – разъясняли они всем свою «программу»¹⁹. К сотне присоединились другие, и вот ядро 2-го Верхне-Донского полка в 200 штыков, выбрав командиром подхорунжего Моргунова, двинулось в свою окружную станицу. «В Вёшки!.. Навесть порядок!..» – будоражила ряды взбунтовавшегося полка шальная мысль. На общем собрании было все же решено междоусобной войны не начинать, а добыть обмундирование и идти на Калачевский фронт, поближе к станицам.

В Вешках, в штабе Северного фронта белых порядком струхнули. Командиру гарнизонной сотни Х.Ф. Кружилину было приказано выслать разведку, узнать, куда идут мятежники. Кружилин утешил начальство: «Не пугайтесь, ваше превосходительство! Они как до станичных земель дойдут, враз по домам разбредутся, а там мы их голыми руками...»

28 ноября отдельные казаки 2-го Верхне-Донского полка стали прибывать в свои станицы. Был отдан строжайший приказ ловить их и посылать обратно на фронт.

Чем ближе подходили к Вёшенской, тем больше сомнения одолевали верхне-донцов. 29 ноября полк вступил в хутор Гороховский (10 верст севернее станицы) и обратился с жалобой к своему станичному правлению.

30 ноября станичный сбор Вёшенской постановил обмундировать пришедших с фронта казаков и отправить их обратно на фронт в Хоперский округ. Полк покорился и выдал

¹⁷ ЦГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 334. Л. 7.

¹⁸ Кудинов П. Восстание верхне-донцов в 1919 г.: Исторический очерк // Вольное казачество. № 77. С. 7.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 82. Д. 7. Л. 312.

зачинщиков. 12 казаков Верхне-Донского полка были приговорены военным судом к расстрелу. Приговор привели в исполнение через три дня, так как не было охотников стрелять.

В 2 часа ночи конвой с осужденными прибыл на место казни, где «уже к этому времени трусливо пережимался взвод стрелцов из казаков базковской гарнизонной сотни с “четой судебного ведомства”». После залпа трое повалились замертво, остальные, израненные, с воплями бежали в лес. Наутро, сопровождаемые толпой рыдающих женщин, они пришли в Вёшенскую к окружному лазарету. В станице началось волнение. «Смертники» были положены в лазарет, а члены суда на всякий случай уехали из станицы.

Узнав о расстреле своих товарищей, казаки 2-го Верхне-Донского полка до Хоперского округа так и не дошли. Командование боевого участка дважды напоминало штабу фронта, что 200 казаков с двумя пулеметами так и не вернулись на фронт. Зато 19 декабря начальник этапа в хуторе Шумилине хорунжий Буданов сообщил, что к нему явились вёшенские казаки, ушедшие ранее из Хоперского округа, и требуют направить их на Калачевский фронт. 20-го Буданову было приказано разоружить их и отправить на Хоперский боевой участок. Он ответил, что не может сделать этого из-за отсутствия сил, а у вешенцев два пулемета.

Скрепя сердце начальство санкционировало отправку казаков 2-го Верхне-Донского полка на Калачевский фронт, где их предполагалось влить в 28-й конный полк «для перевоспитания». Но, как заметил П.Н. Кудинов, «28-й полк считался боевой и исполнительной частью на фронте, но отнюдь не был исправительным батальоном»²⁰.

28-й полк (до августа 1918 г. – 1-й Верхне-Донской) был одним из лучших полков белой Донской армии. Сформирован он был, в отличие от других частей, из казаков всех станиц Верхне-Донского округа.

Разумеется, все проблемы и все положительные и отрицательные с военной точки зрения черты, присущие формированиям Донской армии, находили свое отражение и в этом полку. Как и все, он был заражен «пограничной болезнью» и 23 августа под хутором Шумилиным отказался переходить границу Донской области. 2-я сотня, подстрекаемая урядником Маноцковым, даже пыталась разойтись по домам. Но офицеры полка, подобранные по всей области «отчетливые» контрреволюционеры, среди которых были сподвижники известного всему Дону есаула Чернецова, смогли принудить полк к повиновению. Десять казаков Казанской станицы расстреляли тогда в Вёшенской.

Удачные бои под Старой Меловой, под Павловском подняли пошатнувшийся боевой дух. После боя под Таловой генерал Гусельщиков, командир известного на всем фронте 23-го Гундоровского Георгиевского полка, «дал 28-му полку имя “Непобедимый”, ибо первая сотня его по печальной ошибке вступила в бой с георгиевцами и, после целого дня ожесточенного боя, принудила их отступить, взяв два пулемета. Единственное поражение гундоровцев своими же»²¹.

Между тем, работая в архивах с материалами по белоказачьим полкам, просматривая списки и наградные документы, я испытывал странное чувство, когда мне попадались «свои», верхнедонские полки. С детства слово «белые» ассоциировалось у меня с каппелевскими офицерскими шеренгами из фильма «Чапаев». Черные мундиры, белые ремни, вычищенные до блеска, бритые офицеры с сигарами. А здесь – вот они! – все свои. Знакомые с детства фамилии. Вот Каргинский полк: Каргины, Лиховидовы, Вислогузовы, Фадеевы; вот – Еланский: Голицины, Глазуновы, Родины, Летневы, Мельниковы; вот – Мигулинский: Буханцовы, Коноваловы, Сетраковы, Дамановы; а вот и Вёшенский: Антиповы, Дударевы, Турилины, Калинины, Борщевы. Вся станица! Встретил я и «дядю Василия», и «дядю Костю», героев бабушкиных рассказов. Заработали они «Георгии» в октябре 1918 г.

²⁰ Кудинов П. Указ. соч. С. 7.

²¹ Донская волна. 1919. 3 (16) марта.

Стремясь узнать, что же это были за люди, я переписывал длинейшие списки и читал их старожилам. И часто, к моему удивлению, лица дедов озарялись: «Ефим Семенович? Помню, был такой... Бабка, ты помнишь Ефима Семеновича?» И бабка улыбается... Об «активных контрреволюционерах» вспоминали как о людях добрых, сильных, честных...

Служили, воевали, зарабатывали кресты и медали. И носили, глаз не прятали. «Мы их честно заслужили. Кровью...», – казалось, говорили чубатые ясноглазые парни со «служивских» фотографий.

Но вернемся к нашей истории. Вдохновленные победами и подстегиваемые жадой наживы казаки рвались в бой. 23 ноября 1918 г. 28-й полк брал станцию Лиски, где устроил повальный грабёж. Добыча была так велика, что за ее подсчетом и дележом забыли об обороне. 29 ноября 8-я армия красных нажала, и продовольственный полк им. Карла Маркса взял станцию Лиски обратно, да так, что среди трофеев у красных числилась канцелярия 28-го конного полка.

Между тем разложение Белой армии усиливалось. Большую роль сыграла революция в Германии, уход германских войск и отсюда – ухудшение материального снабжения белых. Бежавшие из плена красноармейцы рассказывали, что «казачьи полки и, вообще, монархические банды ходят совершенно голые и босые, что же касается жалования, то таковое не получают уже три месяца». Ожесточенные бои изматывали Донскую армию. Сами белые признавали: «В непрерывных боях последних двух месяцев... выбыло из строя 40 % казаков и 80 % офицеров».

В 28-м полку осталось 20–25 % казаков прежнего состава, потери восполнялись пополнениями. Но, как писали белые, «пополнения приходили уже не те».

Попавшие в 28-й полк казаки-верхне-донцы рассказали о событиях в Вёшенской. Результаты быстро сказались. Полк, люди в котором были и тепло одеты и хорошо обуты, находившиеся на фронте, где дела шли весьма успешно, вдруг без всякой видимой причины замитинговал. Стал отказываться исполнять боевые задачи, начал брататься с красными...

Все волнения казаков-фронтовиков севера Донской области не достигли бы своего логического финала, если бы не наступление Красной армии, начавшееся 4 января 1919 г. Три дня кровопролитных боев с переменным успехом послужили переломным моментом в настроении верхнедонских казаков.

6 января, когда белые пытались организовать наступление на Абрамовку, на просьбы командующего отрядом генерала Гусельщикова поддержать операцию казаки Мигулинского полка ответили криками: «Долой войну! Долой золотые погоны!» 7 января Гусельщиков приехал в расположение Казанского полка и потребовал исполнять приказ о наступлении. Казаки Гусельщикова обругали, адъютанта его огрели прикладом, демонстративно снялись с позиции и ушли в г. Калач. Единственное, что смог сделать Гусельщиков, это приказать командиру полка и офицерам идти вместе с казаками и по дороге разубедить их. «Казаки открыли фронт на Богучарском направлении на Рождество старого стиля», – писал прославленный советский военачальник, будущий маршал А.И. Егоров²².

По дороге к Казанскому полку присоединился Мигулинский полк, который тоже бросил позиции и двинулся домой, насильно забрав с собой офицеров. Проходя через Калач, казаки устроили митинг, к которому примкнули пешие сотни бывшего в городе на пополнении 28-го полка, т. е. те самые «штрафники», которые полтора месяца назад «будировали» в окружной станице Вёшенской. Вместе с казаками в Калач пришли два красноармейца-агитатора, одетые в казачью форму, и приняли живейшее участие в митинге.

Накричавшись до хрипоты, казанцы и мигулинцы пошли в свои станицы, а пешие казаки 28-го полка вместе с казанцами добрались до хутора Шумилина, где на этапе захва-

²² Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919. М., 1931. С. 68.

тили свой полковой денежный ящик (300 000 рублей) и 12 пулеметов, предназначавшихся для 3-й «молодой» дивизии.

В Шумилинском, пограничном хуторе Донской области, перед казаками встал вопрос: «Теперь куда?» Народ в полку был со всего округа. Кто кричал «По домам!», кто – «Идем на Вешки, разгоним власть. Спросим с них, куда наших дели». Кое-кто под шумок действительно ушел по домам, но «штрафники», задававшие тон, вскричали:

– Стой, братцы, стой! Так нас опять поодиночке передушат. Идем на Вешки всем полком. Мы – 28-й Непобедимый... Выберем командира и – в Вешки...

– Кого в командиры-то?

– Яшку, што ль, Фомина? Яков Ефимыч, ты где? Просим...

– Фомина!.. Фомина!..

Несколько пленных красноармейцев, поставленных недавно в ряды 28-го полка, предложили: «Давайте тогда и комиссара изберем. Пусть политикой заворачивает...» Казаки в нерешительности переглянулись, но, не решаясь конфликтовать в самом начале так удачно складывающегося дела, решили: «Давай и комиссара!.. Кто тут пограмотней? Мельников? Иван Егорыч, давай в комиссары! Руководствуйте сообща». – «Теперь еще полковой комитет изберем и сотенных...», – предложил кто-то. «По дороге изберем. Хватит брехать попусту... Фомин, веди на Вешки!»

Яков Ефимович Фомин (1885–1922), казак хутора Рубежного Еланской станицы, был признанным лидером в полку. Если мы возьмем какое-либо абстрактное движение или коллектив, то увидим, что во главе его часто становится не самый сильный, не самый умный и даже не самый хитрый. Лидером становится тот, чьи качества наибольшим образом соответствуют устоям, традициям, устремлениям общественной группы, осуществляющей движение, и чья «программа» – концепция устремлений данной общественной группы в данный период времени. «Двоякого рода психологический процесс способствует признанию лидера: проекция на него своей собственной сущности и отождествление себя с ним. Лидера надо заметить и увидеть в нем самого себя»²³.

Высокий, светловолосый, голубоглазый, физически крепкий (действительную службу он нес в Атаманском полку), Фомин был отнюдь не бедняк. Во время войны из дому ему прислали второго коня вместо убитого. В 1917 г. он был членом полкового дисциплинарного суда.

По своим способностям Фомин был неплохой командир полка и прекрасный командир сотни. Куда бы ни забрасывала его судьба впоследствии, взлетал ли он до командира дивизии в Донском корпусе Миронова, сидел ли в камере смертников вместе с тем же Мироновым, но стоило ему в составе маршевого пополнения прибыть в кавалерийскую часть, местное начальство неизменно выделяло его и, как правило, назначало сотенным или эскадронным командиром. Определенных политических убеждений Яков Ефимович не имел. Всю жизнь он был «за казаков». За своих из 28-го полка, за казаков мироновского корпуса летом 1919 г., за кряхтевших от подразверстки верхне-донцов в 1920–1921 гг. Жизненный путь свой он закончил в смутные времена «политического бандитизма» главарем банды, известной своей жестокостью и беспощадностью.

Иван Георгиевич Мельников (1890—?), казак хутора Солонцовского Еланской станицы, был прямой противоположностью Фомина. Рост средний, темная челочка, падающая на лоб, коротко подстриженные усы. Происходил он из зажиточной семьи. Отец его до революции держал 5 лошадей, 4 пары быков, 3 коровы, 5 голов гулевого скота. В действительную службу был Мельников полковым писарем 12-го Донского полка (должность, по понятиям неграмотных казаков, очень высокая). Авторитет у него был огромный, делегатом от полка

²³ Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978. С. 57.

избирался он на Войсковой круг I созыва. В смутном 1917 г. во время керенщины и календинщины увлекался он социал-демократическими идеями и даже вступил в партию. Весной восемнадцатого года был связан с Новочеркасской ЧК, во время налета кривянских казаков на город был в тюрьме, бежал и всплыл в белой армии в 28-м Верхне-Донском полку.

Обладал он редким для казаков качеством держать нос по ветру, и будущее сулило ему достижение на административном поприще вершин, в иные времена недостижимых. В 1919 г. был адъютантом (начштаба) полка в корпусе Миронова и один из немногих не принял участия в мятеже. Высшей его должностью в армии было – замначальника штаба дивизии по административной работе. В 1920 г. по просьбе местных властей вернулся он в родной округ, занимал высокие посты, одно время был даже председателем окрисполкома, но оказался замешанным в историю с мятежом эскадрона Фомина и попал под следствие. Где он был после, неизвестно, а вот в 1942 г., при немцах, объявился на посту «мэра города Миллерово». Умер где-то за границей.

Но все это было потом, а пока Фомин, Мельников, адъютанты Фомина – красноармеец Кароль и иногородний Симоненко, наиболее близкие казаки: Александр Кухтин, Вещунов, Тарасов – вели пешие сотни 28-го полка на Вёшенскую.

Известие о том, что Казанский и Мигулинский полки идут в свои станицы, пришло в штаб Северного фронта белых сразу же. Подавить бунт немедленно военной силой надежды не было, и новый окружной атаман генерал Усачев решил собрать «экстренные станичные сборы для изыскания мер предотвращения дальнейшего разложения фронта».

Не успели Усачев и Дронов выехать в Казанскую и Мигулинскую, как 12 января в Вешках узнали, что 28-й полк договорился с красными о мире на условии выдачи офицеров с одной стороны и «жидов-комиссаров» – с другой. Теперь полк шел в Вёшенскую, чтобы устранить единственное препятствие для заключения такого мира – разогнать штаб фронта и «избить всех офицеров». Разведка, посланная навстречу бунтовщикам, донесла, что действительно три пешие сотни 28-го полка (500 штыков, 24 пулемета) находятся в хуторе Решетовке в 15 верстах от станицы.

14 января в обеденное время генералы Иванов и Зембржицкий, командующий и начштаба Северного фронта, наблюдали из окна штаба, как три пешие сотни 28-го полка вступали в станицу Вёшенскую и выстраивались на площади.

Первым делом прибывшие разоружили караул у гауптвахты и выпустили 25 арестованных, затем вызвали коменданта станицы и потребовали квартир. Иногда на площади слышалась брань в адрес офицеров.

К бунтовщикам был послан войсковой старшина Малюгин – узнать претензии. Казаки потребовали окружного атамана (одни говорили, что выскажут претензии лично ему, другие грозились оторвать ему голову).

В тот же день командование полка завернуло обоз со снарядами, следующий в Хоперский округ. Фомин размашисто подписывал отпускные свидетельства, и возчики, благословляя «новую власть», торопились в обратный путь.

Вечером Иванова вызвал к прямому проводу командующий Донской армией генерал Денисов. Пришлось докладывать о безобразиях, творящихся в станице: «Вошли в станицу спокойно, в порядке, прекрасно и тепло одетые, без офицеров, остановились на площади, потребовали квартир и разошлись. Намерения их неизвестны, но обещали прислать ко мне делегацию с вопросами».

Иванов знал, что положение у него на фронте критическое. В ближнем тылу белого фронта, в районе Калача, скопилась масса оставивших позиции частей, которые смешались с вновь прибывшими полками и в течение нескольких дней топтались на месте в нерешительности, не зная, что предпринять.

14 января при появлении красной разведки панически бежал из Нижне-Текучева 32-й Вёшенский полк. В 12 часов дня бросила окопы застава конных сотен 28-го полка, после того как в перестрелке потеряла одного раненого.

Весь этот «табор» без боя оставил Калач и в метельную ночь на 15 января двинулся на слободы Криуша – Подгорная. Генерал Дукмасов, начальник боевого участка, окрестил этот поход «наполеоновским». Многие казаки и офицеры перепились, немало их замерзло в дороге. Крестьяне при приближении пьяной орды разбегались. Оставшиеся заламывали тройные цены за продукты, фураж, подводы, отказывались брать «донские» деньги. Пьяные казаки овечьими ножницами разрезали рулоны «керенских», совали, не считая, жителям, тащили лошадей, подводы, грузили раненых вперемишку с «трофеями». «Наши ряды будут таять по мере оставления хуторов и станиц, – доносил генерал Дукмасов. – Казак, побывавший на фронте, имеет в среднем до 50 – 100 000 рублей, и он больше не нуждается в захвате “трофеев”, этим и объясняется стихийное движение дойти до дома и передать семье деньги». Северо-Западный отряд белых развалился окончательно.

В Вёшенской назревали события. 15 января в 6 вечера фоминцы пришли в казармы инженерной сотни и потребовали сдать оружие, но саперы отказались, и после непродолжительного спора с руганью и угрозами казаки 28-го полка ушли. В этот вечер они выставили караулы к артскладам в хутор Базки, к мосту через Дон и к телефонной станции. К чему они стремились? Что собирались делать?

П.Н. Кудинов в своей «Заключительной главе к “Восстанию верхне-донцов”» писал: «Еще раз должен повторить, что верхне-донцы, бросив фронт в декабре 1918 года, никогда не имели в виду измену и предательство, и поэтому, несмотря на возводимые на них обвинения, они никогда не сожалели о сделанном и никогда не раскаивались ни перед кем, тем более ни перед какими донскими сановниками. Верхне-донцы были требовательны к своим вождям, ждали от них служения казачеству, и видя у них только дебоширства, бестолковые распоряжения, всевозможные хищения и заедание всяких штабных передвигателей флажков, решили твердыми мерами исправить положение... Своим актом мы хотели исправить произвол в нашем тылу». Эта характеристика настроений несомненно верна для какой-то части казаков 28-го полка. Основная же масса фронтового казачества Верхне-Донского округа хотела мира («без аннексий и контрибуций», – заявляли казаки) и всеми доступными средствами стремилась сместить генералов и офицеров – виновников осточертевшей войны. «Партия мира» ополчилась на «партию войны» – вот что творилось в округе в это время. Но небольшая группа революционно настроенных казаков и пленных красноармейцев подбивала Фомина и других командиров идти еще дальше: взять власть, а там... Единства среди мятежников не было. Группа активистов в 40 человек сплотилась вокруг своих выборных командиров, остальные медленно, но верно откалывались и разбредались по домам. Были посланы гонцы в конные сотни своего полка, в Мигулинский и Казанский полки с приглашением идти в Вёшенскую, но те пока не торопились.

16 января казаки 28-го полка выставили караул к казначейству и складам. В полдень приставили было часового к телеграфу, тот покрутился на морозе и ушел куда-то. К вечеру поползли по станице слухи, что фоминцы собираются убить Иванова, Зембержицкого и всех офицеров штаба. Но слухи остались слухами, на штаб так и не напали. «Это опять была бы война, а воевать они не хотели», – подметил Краснов.

Как только стемнело, несколько вооруженных казаков ворвались в помещение окружной стражи, забрали конфискованную у местных самогонщиков «дымку» и самогонные аппараты.

«Пусть сам любезнейший Петр Николаевич разбирается с этой сволочью», – решил Иванов. Еще 15-го он запросил Новочеркасск, собираются ли Краснов и Денисов в Вёшен-

скую, как обещали, и сообщил, что, несмотря на заносы, автомобили от Миллерово до Вёшенской дойдут.

Теперь случай давал Иванову возможность самому разобраться с верхне-донцами. «Они перепьются, господа. Надо ночным налетом разоружить полк». Организовать налет поручили полковнику Овчинникову и есаулу Степанову.

Впервые увидеть Афанасия Ефремовича Степанова (Стефанова) автору удалось в 1959 г. Он только что вернулся из Франции. Мне тогда было всего четыре года, и мужчина в черном костюме, белой рубашке и при галстукe (вид для хутора Базковского в то время необычный) показался мне просто огромным. После этого я не видел его лет двадцать. Жил он неподалеку, за Доном, всего час ходьбы, сестры его часто ходили в Вёшки на базар и всякий раз заходили к нам. Но как-то так получалось, что говорили о чем угодно, только не о нем. За все время я лишь раз услышал, что пенсию Афанасий Ефремович получает из Франции, пенсия маленькая, на наши деньги – 30 рублей в месяц.

Потом как-то случайно (я уже учился в институте) на фильме «Человек-оркестр» я четко и ясно вспомнил сцену нашей с ним встречи. Луи де Фюнес (всех сыгранных им героев я называл именем актера) искал родителей подброшенного ему ребенка и нарвался на какого-то итальянского маркиза. И вот, увидев на экране этого маркиза, я подумал, что такого же величественного, даже лицом схожего человека я давным-давно видел в Базках. После этого я внимательно выслушал один из традиционных рассказов бабушки, пропускаемых обычно мимо ушей...

Дед Афанасия Ефремовича – Илья Васильевич со службы принес много золота. Хозяйство его быстро пошло в гору, и на старости лет он решил, что если не детей, то внуков своих он обязан вывести в люди. «Афоньку выучу на попа, – решил дед, – а Тихошку (второго по возрасту внука – Ельпидифора – из-за тихого нрава дед звал Тихошей) – на офицера». И после того как будущие поп и офицер отбыли какое-то время в Усть-Медведицкой гимназии, дед отправил одного в семинарию, другого в Воронеж, в кадетский корпус, чтобы он сдал там экстерном экзамены на права вольноопределяющегося.

Но мечтам деда не суждено было сбыться. На первых же каникулах бабка Анисья Григорьевна заметила неладное и не преминула поделиться своими сомнениями: «Дед, ты куда деньги-то посылаешь? Афонька без креста приехал». Действительно, на другой день будто бы случайно дед подсмотрел, как Афонька умывается, и на груди его под расстегнутой рубашкой креста не увидел. На вкрадчивый вопрос: «А где ж твой крест, Афоня?» – «семинарист» бойко ответил: «А я, дедушка, как умываться – так его снимаю». На следующее утро, пока будущий служитель культа умывался, бабка перерыла всю его постель, но креста так и не нашла. «Гляди, дед, – сказала она мужу, – брешет чего-то Афонька, нет креста. Так и до беды недалеко».

Вынужденный держать ответ Афонька сказал: «Дедушка, я не хочу на праздники ходить по дворам, и чтоб собаки тягали меня за полы». Выяснилось, что оба внука сбежали из мест, определенных им дедом, и оба учатся в Новочеркасске: старший – на инженера, младший – на землемера. Потрясенный дед сначала не знал, что и делать, но Афанасий живописал ему грядущий расцвет техники, посулил как-нибудь покатать на автомобиле, и дед, повздыхав, согласился, не доверяя до конца ни техническому прогрессу, ни посулам старшего внука...

Вот так создаются легенды.

По документам я определил, что Афанасий об учебе «на инженера», видимо, только мечтал. Перед Первой мировой войной он успел закончить лишь учительскую семинарию. С двоюродным братом – «Тихошкой» – у них была разница в пять лет, и когда младший, Ельпидифор, в 1916 г. отправился в Воронеж, Афанасий уже закончил ускоренные курсы Новочеркасского юнкерского училища и воевал на Кавказском фронте.

Когда началась Гражданская война, старший внук уверенно пошел «в белые» и с ними попал за границу, где работал таксистом, а младший (мой родной дед) дважды – 1917 г. и 1918 г. – начинал учебу на 1-м курсе землемерного училища (ныне Новочеркасский мелиоративный институт), и оба раза учеба прерывалась – то красные город занимали, то белые мобилизацию проводили. Дед участвовал в Вёшенском восстании (приехал на каникулы, а тут – красные и восстание...), был направлен в Новочеркасское Атаманское училище, куда направляли всех со средним образованием, отстал от своих под Новороссийском и, в конце концов, среди тысяч преданных и брошенных на Черноморском побережье казаков оказался в армии Буденного.

Занявшись вплотную историей восстания, я решил на всякий случай навестить «эмигранта». На всякий случай – потому что одна из сестер его сказала мне, что в восстании Афанасий Ефремович не участвовал. «В отступление, помню, метель была. Афанасий домой заехал, в башлыке... Конь под ним здоровенный, гнедой, весь заиндевел... Побыл и уехал... за Донец...»

Афанасий Ефремович все это время жил со своими сестрами. Когда я пришел к нему в гости (это был 1980 г.), он рвал в саду вишню. Из сада он пришел веселый и внешне благожелательный. Оказалось, что он одного со мной роста, немного сутуловат (как-никак ему перевалило за 80), но в плечах шире. Квадратное загорелое лицо с маленькими глазами и тонкими губами было выбрито, седые густые волосы – коротко острижены.

Тогда он уже страдал от склероза, и за время нашей беседы несколько раз переспрашивал, кто я такой. Мы прошли в его комнату с кроватью, столом и пустой этажеркой. Бутылку виноградного вина, принесенную мной в подарок, он сразу же раскрыл, налил две крохотные рюмочки, остальное запечатал и спрятал. Чтобы не оставаться в долгу, он тут же отдал мне, дал единственную книгу в комнате – потрепанный самоучитель французского языка.

Разговаривать со стариком, страдающим склерозом и взбодренным вином, было трудно. Несколько раз он начинал с жаром говорить о необходимости патриотического воспитания молодежи и при этом хитро посматривал на меня, дескать, знаю, что тебе надо, а не скажу. Какое-то неуловимое движение, когда он, подбоченившись, наклонялся вперед и чуть заметно морщил нос, удивительно молодило его и подчеркивало какую-то скрытую энергию. Я несколько не удивился бы, если б оказалось, что в 80 лет он физически сильнее меня.

О Гражданской войне он говорил неохотно, сразу же переспрашивал, кто я, как мое имя. Зато о «германской» вспоминал со странным удовольствием и гордостью («Немцы нам объявили войну. Я Родину защищал. Это была такая же война, как и последняя, Отечественная»). Он был взят в армию рядовым, в 12-й полк, награжден Георгиевским крестом («По-вашему, я вроде как Герой Советского Союза»), ранен, Харлампий Ермаков под огнем вынес его, раненого, с поля боя. После госпиталя он попал в Новочеркасское юнкерское училище («Командовал училищем генерал Попов, тот, что в Степном походе командовал. Знающий генерал»).

С увлечением Афанасий Ефремович вспоминал об эмиграции.

10 лет он проработал шахтером в Болгарии, 25 – таксистом в Париже. На стене у него висел почетный диплом от парижского профсоюза таксистов. В Париже у него была жена... Все бросил и вернулся домой.

О Гражданской войне я все же узнал, что лучшим генералом у белых был Гусельщиков, что сам Афанасий Ефремович одно время был у него в штабе («Я – войсковой старшина. По-вашему, – подполковник»), что он прекрасно знал П.Н. Кудинова и Х.В. Ермакова, руководителей восстания («Харлампий Васильевич хотел автономную область в составе всей страны... Евреи помешали...»). Во время всего нашего разговора он задал лишь один вопрос: как у нас относятся к Троцкому. Я сказал, что Троцкий – злейший враг советской

власти, был выслан из страны... Он криво усмехнулся: «Власть не поделили?... Мы как город займем – два портрета: Ленин и Троцкий».

Если б я знал в то время, что передо мной – бывший командир сотни 32-го Вёшенского полка, старший цензор штаба Северного фронта белых, замначальника оперативного управления штаба фронта и последний командир 28-го Верхне-Донского Непобедимого полка, я бы «допрашивал» его каждый день. Но я еще не знал... А через год Афанасий Ефремович умер.

Но вернемся в Вёшенскую. Овчинников и Степанов направились в инженерную сотню и в пришедшую недавно обозную команду Гундоровского полка. Но офицеры инженерной сотни сказали, что казаки ненадежны и в случае налета скорее поддержат 28-й полк, а не штаб. Гундоровцы же, трусливо переглядываясь, заявили, что «во внутренние дела станицы» вмешиваться не хотят. Послали шифровку Гусельщикову, чтоб прислал хотя бы две сотни с орудием. Гусельщиков обещал недели через две. Вернувшиеся ни с чем Овчинников и Степанов требовали у Иванова совершить налет силами офицеров штаба. Иванов колебался. А если 28-й полк в ответ разгромит штаб фронта? Как тогда управлять операциями на всем севере области? Что же, сидеть и ждать? Нет, ждать не годится. Создается впечатление, что все безобразия в станице творятся с санкции штаба. Выход оставался один – послать за помощью в Каргинскую, где сход под давлением атамана Лиховидова высказался за осуждение 28-го полка. Кого послать? «Выедем мы с Виктором Александровичем, – решил Иванов. – С собой берем сотрудников оперативного отдела. Строевой и хозяйственный отдел пока останутся в Вёшенской. Связь по телефону. Если не удастся собрать силы, постепенно без ущерба для работы переведем в Каргинскую весь штаб».

Ночью с 16 на 17 января Иванов, Зембжицкий и несколько офицеров благополучно миновали заставы 28-го полка и бездорожно через лес вышли к переправе, где их ждала подвода. Овчинников, Степанов и бывший в это время в Вешках генерал Рытиков за Ивановым не последовали, справедливо полагая, что Краснов за все эти дела «задаст чертей» незадачливому командующему. Они решили бежать в станицу Еланскую, где «в отпуску» жил опальный генерал Алферов, возможный претендент на место Иванова, которое казалось господам офицерам уже вакантным.

Обиженный на весь свет З.А. Алферов с прибытием гостей из Вёшенской оживился и начал действовать. Подробно обсудив за ночь план спасения Тихого Дона и собственного возвышения, генерал направил утром 17-го Степанова обратно в Вёшенскую вести разлагающую работу среди казаков, а Рытикова и Овчинникова – в Каргинскую, чтобы держать в поле зрения Иванова и компанию. Сам он после этого явился на еланский станичный телеграф и вызвал к прямому проводу полковника Кислова, начальника оперативного управления Донской армии. Кислову Алферов сообщил, что командование фронта бежало из Вёшенской из-за неоправданных слухов.

Кислов затребовал на связь Вёшенскую. Оттуда войсковой старшина Малюгин сообщил, что с 14 часов фронт управляется генералами по телефону Каргинская – Вёшенская. Есть связь с Северо-Западным отрядом. Эвакуировать штаб из Вёшенской невозможно.

Однако сам по себе факт работы штаба уже не мог изменить положения на фронте. Конные сотни 28-го полка разложились окончательно. Казаки кричали, что им надо идти на соединение к своей кадровой пехоте (т. е. в Вёшенскую), приказания офицеров не исполняли. Командир полка Сергеенков сидел в станице Мигулинской, самовольно продлив себе отпуск. Заместитель его, войсковой старшина Филиппов, завершил свой рапорт командованию словами: «Я совершенно измучился и нравственно, и физически». 16 января конные сотни полка самовольно перешли границу области и расположились в пограничных донских хуторах. Вёшенский и Слащевский полки, боевой состав которых к тому времени достигал всего 200 шашек, последовали за 28-м («Другие уходят, а мы остаемся, надо и нам уходить»).

Итак, разложившиеся полки верхнедонских казаков выполнили первую часть намеченной программы – с территории «русской» ушли на территорию «донскую». Теперь от них следовало ждать переговоров с предложениями мира.

С бегством белого командования из Вёшенской Фомин даже растерялся поначалу. Но местные большевики (на всю станицу их нашлось лишь двое – гимназист Чепуркин, которого все почему-то принимали за студента, и один из учителей гимназии) воспрянули духом. По их настоянию казаки 28-го полка заняли все учреждения. Офицеров без бумаг от 28-го полка из станицы не выпускали.

18 января в станице собрался запланированный сбор и окружное совещание членов Круга. На совещании занимались в основном личными дрызгами. Чтобы не допустить к власти явившегося из Еланской Алферова, Дронов и его сторонники устроили перевыборы окружного атамана Усачева, который как поехал в Казанскую уговаривать фронтовиков, так и канул. «Бремя власти» возложили на помощника окружного атамана, т. е. на Дронова. Заявившегося на совещание Фомина осадили несколькими едкими вопросами. Пришедшие с Фоминым вооруженные казаки в полемику не вступали, молча всматривались в лица записных краснобаев, будто бы запоминали. Члены Круга струхнули и поспешили разъехаться.

Приехавшие на станичный сбор из хуторов старики вели себя уклончиво. Яростные выступления Фомина и его адъютанта красноармейца Кароля, направленные против офицеров, встретили внешне сочувственно, но и только.

В конце концов представители от хуторов под председательством станичного атамана и в присутствии трех членов станичного правления заслушали казаков 28-го полка «по поводу оставления ими фронта» и вынесли приговор: «1) Просить казаков 28-го Донского казачьего пехотного полка послать теперь же из своего полка делегацию на Северный фронт для переговоров по поводу перемирия с красными. Кроме того, послать делегацию по этому вопросу в Красную гвардию. 2) Немедленно упразднить полевой суд. 3) Упразднить милицию. 4) Привлечь к несению гарнизонной службы к 28-му Донскому казачьему пешему полку 2-ю и 3-ю пешие сотни. 5) Границы Донской области впредь до выяснения о перемирии с красными открытыми не оставлять. 6) Карательные отряды упразднить...»²⁴. Эти пункты постановления, построенные несколько вразнобой, подписали 33 выборных (согласные с казаками 28-го полка), всего же на сборе присутствовало 111 выборных, 40 человек вообще проигнорировали сбор и не явились.

Итак, 22 % присутствовавших на сборе высказались за перемирие с красными и упразднение органов красновской военной диктатуры, 52 % выборных воздержались, но противоположного постановления не вынесли, 26 % на сбор не явились. Подобное разделение голосов почти полностью совпадает с классовым расслоением казачества юго-востока России.

Приговор не имел законной силы, его подписали меньше половины выборных, но фоминцев это не остановило. Тотчас же были выбраны делегаты и посланы на фронт и в соседние станицы сказать, чтоб казаки «отошли на свою границу и начали переговоры о мире».

«Ну, гляди, герой, не сегодня – завтра приедет в Вёшки Краснов, он тебе покажет», – проворчал, уходя с площади, один старик. Но Краснова Фомин особо не боялся. Он немедленно послал гонца в Казанский полк, именем революции требуя помощи против немецкого наймита Краснова, приезд которого ожидается. Казанцы знали, что с Красновым шутки плохи, и дружно взялись за оружие, приготовились обороняться.

Петр Николаевич Краснов собирался провезти союзников по Северному фронту, побывать 15 января в Алексеевской, 16-го в Урюпинской (устроить смотр гундоровцам и стрел-

²⁴ Борьба за власть Советов на Дону. Ростов-на-Дону. 1957. С. 406–407.

ковой бригаде Моллера). Тревожные вести из Вёшенской задержали его, и он решил посетить станицу Каргинскую, где, согласно донесению Иванова, ныне находился штаб фронта. Иванова в Каргинской застать не удалось. Он не смог наскрести в станице достаточно сил для подавления мятежа, плюнул на все и уехал в Новочеркасск «для личного доклада атаману». По дороге они разминулись.

Краснов, прибыв в Каргинскую, начал разбирательство. «Разваливала верхне-донцов агитация генерала Алферова», – заявил Каргинский атаман Лиховидов, возобновляя прежние интриги. Новое следствие по делу Алферова, закончившееся оправданием генерала и посрамлением его злопыхателей, лишь затянуло дело. Попытки увещевать Фомина по телеграфу ни к чему не привели. «Нам с вами не по пути», – отстучали из Вёшенской. Фомин лично от себя добавил пару-другую непечатных слов. Ошеломленный Краснов оказал ему великую честь. Выступление 28-го полка он в панике сравнил с Каменским съездом фронтового казачества. «...И думается, не идет ли вместо Голубова из Усть-Медведицкой станицы Миронов и вместо Подтелкова казак 28-го полка Фомин из Вёшенской станицы». Краснов ошибся. Миронов был более крупной фигурой, чем авантюрист Голубов, а Фомину было далеко до Федора Подтелкова. Приезд Донского атамана штыков в Каргинской не прибавил, оба лагеря ударились в агитацию, стремясь заполучить себе побольше сторонников среди мятущихся местных казаков. «В Каргинской не настоящий атаман, а самозванец, – надрылся Фомин, – и с ним ряженые офицеры под француза и англичанина, и нам надо его выманить сюда и здесь посмотреть – какой есть. Здесь и рассудим – или к стенке его поставим с союзниками, или препроводим для суда в Москву, или своим судом здесь накажем. Оборвем погоны и изобличим переодетых союзников».

Надежды на помощь союзников до определенного времени держали развалившийся казачий фронт, вселяли уверенность в благополучном исходе войны. Иногда эти надежды носили довольно странный характер. 15 января Краснов телеграфировал на фронт: «Весной, 8 апреля, 14 англо-французских дивизий начнут поход на Москву. Явится возможность казакам отдохнуть [в] своих домах». Под давлением союзников и учитывая катастрофическое положение на фронте, Краснов признал 8 января верховную власть генерала Деникина. Но внутреннее положение в странах Антанты не способствовало посылке войск в Россию, и союзники отказались прислать солдат. Поводом послужил отказ Краснова признать верховную власть генерала Франше д'Эспирэ и оплатить французским гражданам, проживающим в «районе “Донец”», все убытки за период с 1914 г.²⁵

19 января в Каргинской на сходе, где Краснов расписывал зверства красных и призывал покарать изменников из 28-го полка, казаки задали вопрос: «А где же союзные войска?» Атаман вынужден был ответить, что он якобы «от помощи живой силой отказался и просил союзников помочь казакам техническими средствами». Казаки зашумели, на сходе произошел раскол. Были выбраны делегаты и направлены к действующим частям с предложением закончить войну.

Лазутчики, посланные из Вёшенской, по возвращении сказали, что атаман подлинный и союзники с ним настоящие, но в Каргине раскол и единства нет. «Ага, настоящий атаман... Вязать надо Яшку Фомина», – зашептали уже кое-где по углам. «Ага, раскол в Каргине, – сказали приверженцы Фомина. – Яша, надо брать офицеров».

Вечером 19 января Фомин с казаками пришел в здание штаба фронта. «Экуироваться запрещаю! – и ткнул ногой в офицеров: – Разоружай их!» Казаки стали хватать и разоружать офицеров. Посадили под замок заведующего гаражом хорунжего Лобова, который испортил легковой автомобиль и не дал Фомину с шиком прокатиться по станице. Туда же упрятали подпоручика Прясллова, который разобрал радиостанцию и спалил помещение.

²⁵ Донская летопись. № 3. Белград. 1924. С. 131–132.

Охотились за однофамильцем командира полка сотником Фоминым, членом военного суда, и за хорунжим Кружилиным, командовавшим расстрелом мятежников из 2-го Верхне-Донского полка.

Краснов писал в мемуарах, что хотел лично ехать в Вёшенскую и навести порядок, но, мол, холод и ночь, да и союзники не захотели... Короче, Донской атаман не солоно хлебавши уехал в Новочеркасск, пригрозив, что со временем сотрет Вёшенскую с лица земли.

Тем временем по всем казачьим полкам шло оживленное обсуждение вопроса о мире и переговорах. 20 января казаки Казанского полка, узнав, что Краснов уехал в Новочеркасск, отслужили молебен и направили делегатов в Богучар предложить красным мир на условии неприкосновенности границ Донской области.

Красноармейские части местного формирования, выйдя на границу Донской области, также утратили наступательный порыв. Мобилизованные крестьяне, освободив свою территорию, не хотели идти «к казакам». Разведка велась слабо. О том, что в казачьих полках разложение и стремление к миру, что целые части бросают фронт, командование 8-й армии и Южного фронта узнало лишь после 20 января, после приезда в Богучар делегации из Казанской. Пока донесения из передовых частей шли в штабы, 112-й Богучарский полк заключил с казаками «перемирие с обещанием не вступать в пределы Донобласти». Казаки же обещали, что сами установят у себя советскую власть.

Бежавший из Вёшенской полковой адъютант 28-го полка сотник Каргин рассказывал белогвардейцам, что видел в штабе у Фомина телеграмму из Казанской. От красных, дескать, пришел пакет с сургучной печатью, где красные предлагают мир при условии признания Советской власти.

«Надо брать власть в свои руки и заключать мир», – потребовали активисты из 28-го полка. 22 января делегация от полка явилась к окружному атаману Дронову и потребовала, чтобы он подписал им полномочия на ведение переговоров о мире и поездке на Северный фронт. Дронов отказался подписывать какие-либо бумаги и вскоре бежал из станицы. В Вёшенской на несколько часов установилось формальное безвластие.

«Приказ № 1 по 28-му Донскому конному полку и станице Вёшенской. 9 (22) января, ст. Вёшенская.

Ввиду того, что с приходом нашего полка в ст. Вёшенскую вся власть посаженного нам немцами предателя трудового казачества и крестьянства Краснова позорно бежала, чувствуя всю вину своей предательской политики, и все трудовое казачество, крестьянство и рабочие брошены на новые испытания темных личностей... станица Вёшенская не должна больше исполнять предательские распоряжения Краснова, а до созвания окружной власти исполнять распоряжения полка...

Всем гражданам станицы соблюдать тишину, порядок и спокойствие, дабы было возможно мирно ликвидировать гнездо предателей, грабителей, мародеров-красновцев, им места нет между честных людей родного Дона...

Так пусть же будет наша власть трудового казачества, крестьянства и рабочих, с нами бог правды, справедливости, равенства и братства.

Командир 28-го полка казак Фомин»²⁶.

22 января 1919 года 28-й Верхне-Донской Непобедимый полк взял власть в станице в свои руки.

Со взятием власти 28-м полком в Вёшенской наступило время собраний и митингов. Новая власть наложила запрет на операции окружного казначейства, установила своих контролеров на почте, телеграфе, в интендантстве и на артиллерийских складах, запретила издавать «пробрежавшуюся газету “Верхне-Донской край”». Против станицы Каргинской были

²⁶ ЦГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 693. Л. 2–2 об.

выставлены заставы с пулеметами. Это было признание Советской власти с оговорками об установлении ее мирным путем, что диктовалось нежеланием и боязнью развязать войну внутри округа, сознанием собственной малочисленности.

Бегущие в Каргинскую офицеры сообщали, что въезд и выезд из Вёшенской свободны, Каргинской ничего не угрожает, казаки 28-го полка из Вёшек постепенно расходятся, кто сам, кого увозят жены и родители.

Посланные к красным и в полки делегации возвращались поредевшими, многие, не доехав до Вёшек, уезжали на хутора. Конные сотни 28-го полка были распущены белым командованием по домам, чтоб не увеличивать силы мятежников.

Массы казачества вполне устраивало положение, сложившееся в округе в результате отмены органов красновской военной диктатуры. Их удовлетворяло стремление сторонников Фомина действовать в союзе со всем населением станиц. Отныне на первое место для них стала задача не допустить вступления Красной Армии на территорию округа, и они приняли самое активное участие в мирных переговорах, пользуясь разобщенностью недавних активистов, которые бросали восставшие полки и расходились по домам. Это было стремление казаков установить классовый мир на севере области. «По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов», – очень верно подметил Ленин²⁷. Иллюзии о своем особом пути охватили очень многих казаков.

Штаб 28-го полка в это время напоминал многопартийный парламент. Здесь заседали Фомин и Мельников («командир и комиссар») в окружении друзей и соратников, здесь собирались пленные красноармейцы, вооруженные Фоминым, сюда же были призваны его приказом несколько офицеров из простых казаков, среди них и П.Н. Кудинов. Ругань стояла с утра до вечера.

Перемирие между Богучарским полком Красной Армии и Казанским казачьим полком еще не было миром. 24 января новая делегация – два казака – под конвоем (чтоб не помешали свои контрреволюционеры) поехала в Богучар заключать мир. Поехали, ясное дело, наиболее революционно настроенные и, презрев наказания станичников заключить мир на условии неприкосновенности границ, в Богучаре заявили: «Мы постановили братскую войну кончить и пойти против кадетов». Один делегат (Булаткин) был направлен в штаб 12-й дивизии красных, а второй с двумя коммунистами Богучарского полка вернулся в Казанскую. Во время переговоров Казанский полк снял свои заставы против Богучара и перенес их в свой тыл. Оставшиеся в строю казаки соглашались перейти на сторону красных или сдать оружие. Стариков, которые кляли «изменников» и напоминали о постановлениях сходов, не слушали.

Реввоенсовет 12-й дивизии ответил казакам: «...выслушав заявление от имени фронтовиков станицы о желании прекратить войну с Советской властью и признать Советскую власть, пришел к следующему: 1) заявление принять к сведению... 2) Казаки и полки, которые пожелают перейти на сторону Красной Армии, будут приняты по-братски. Полки могут переходить с командным составом. С того момента, как полк перейдет на сторону Советской власти, полк считается на положении советского полка... 3) РВС 12-й дивизии предлагает всем казачьим частям с оружием в руках и командным составом переходить на нашу сторону... Полки должны переходить со всем имуществом, оружием и представить списки тех, кто уклонился от перехода на сторону Советской власти; если командиры будут препятствовать переходить казакам на нашу сторону, они должны быть казаками арестованы и выданы Советской власти; 4) для дальнейших переговоров и передачи инструкций и приказа пере-

²⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 33. С. 7.

ходить на нашу сторону полкам командиром член военно-революционного совета дивизии...»²⁸.

«РВС Южфронта, копия РВСР, копия предсовобороны Ленину.

Военная, вне всякой очереди... из штарма 8, 26 января, 3 ч 45 мин.

(Копия донесения из 12-й дивизии с постановлением).

РВС армии просит сделать указания о степени правильности отношения к происшедшему военсовета 12 дивизии и испрашивает о немедленной присылке инструкций на будущее время о порядке и характере сношений с изъявляющими желание перехода на нашу сторону частями казачьих войск. Реввоенсовет Вестник, Базилевич»²⁹.

Переговоры осложнялись радикальными изменениями в казачьей политике.

В конце 1918 г. у командования и политического руководства Южного фронта сложилось мнение, что «по станицам и хуторам Донской области почва для Советов весьма благоприятная и прочная»³⁰. 20 декабря Донское бюро РКП(б) докладывало в ЦК: «...контрреволюция будет взорвана изнутри, и ее место займет страстно ожидаемая народными массами Советская власть». Донбюро предупреждало, что массы эти боятся лишь одного: «повторения тех неладов, безответственных выступлений, хаотического хозяйничания всяких проходимцев, что имело широкое место на Дону». Соответственно предупреждались воинские части. «27/1—19 (от) имени Реввоенсовета и политотдела армии циркулярно приказываю всем политработникам принять категорические меры (по) устранению при занятии территории Дона явлений, влекущих недовольство населения советвластью: массового террора, незаконных реквизиций, вообще бесцельных насилий. Завполитотделарм 9 Поволоцкий»³¹.

Даже вышедшая впоследствии в белогвардейской газете статья под броским названием «Зверства большевиков» вынуждена была признать: «Первые эшелоны красных войск вели себя удовлетворительно»³².

Следует учесть, что внешнее и внутреннее положение Советской Республики в январе 1919 г. изменилось. Стремительное продвижение советских войск на запад и юг (их даже называли «2-м триумфальным шествием Советской власти»), всплеск повстанческого движения на территории, оставляемой германской оккупационной армией, пробудили надежду на скорейшую победу и перенос военных действий в Европу. И тут только остатки казаков цеплялись за сапоги победоносной Красной Армии...

24 января 1919 г. Оргбюро ЦК издало директиву об отношении к казачеству. Директива предписывала «беспощадный массовый террор» к казакам, принимавшим «прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»³³. Против среднего казачества (директива старалась выдерживать классовый подход) предлагалось применять меры, гарантирующие от каких-либо попыток нового выступления против Советской власти, конфисковать и свезти на сыпные пункты все излишки хлеба, в станицах разоружить всех казаков, оружие выдавать лишь надежным людям из иногородних, уравнивать казаков и иногородних в распределении земли, оказывать всяческую помощь переселенцам-беднякам. «Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания»³⁴.

²⁸ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 631. Л. 218.

²⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 631. Л. 218.

³⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 40.

³¹ Там же. Д. 108. Л. 19.

³² Приазовский край. 1919. 30 мая (12 июня).

³³ Известия ЦК КПСС. № 6. 1989. С. 178.

³⁴ Там же.

Принята директива была «под влиянием отдельных членов ЦК, которые в конце 1918 – начале 1919 г. побывали на юге страны»³⁵. Свою роль, видимо, сыграли и доклады Дон-бюро РКП (б) о настроении масс, «алчущих теперь восстановления Советской власти»³⁶, так как на обострение классовой борьбы можно было пойти лишь в условиях, максимально благоприятных для этого. Конкретной подписи под директивой («Циркулярным письмом») не было, но Организационным бюро ЦК РКП (б) в то время руководил Я.М. Свердлов.

Согласно большевистской логике, это циркулярное письмо имело еще одну функцию – расслоение казачества. В статье «Ценные признания Питирима Сорокина» В.И. Ленин говорил о том, что начался переход части мелкобуржуазных масс на сторону пролетариата, но переход этот – неизбежное следствие дальнейшего расслоения этих масс. «... Часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам...»³⁷. Чтобы середняцкие массы казачества начали переход на сторону пролетариата, их необходимо было расколоть. Так же как колебания и расслоение средних слоев подталкивает крайние общественные группировки к активным действиям, так и обострение классовой борьбы между крайними группировками является радикальным способом расслоения промежуточных слоев.

Говоря по-простому, террор должен был сплотить идейных и бескомпромиссных противников большевиков (а таковых всегда меньшинство) и запугать большинство, которое, спасая свою жизнь, переметнулось бы под большевистские знамена.

Выход директивы совпал с переговорами верхне-донцов с частями Красной Армии. Когда в штаб 12-й дивизии явился проторенной дорогой посланец 28-го полка Бабаев с постановлением Вёшенского станичного сбора от 18 (5) января, смысл директивы еще не был известен на Южном фронте. Посылая донесение о переговорах с 28-м полком, член РВС фронта И.И. Ходоровский одновременно сообщил: «Директиву ЦК о линии поведения по отношению к казачеству не получили... Дорог каждый момент, прошу немедленно ответить запиской по проводу. Ходоровский». Ответ: «Высылаю с Мехоношиным, выезжающим завтра. Свердлов»³⁸.

Ответ запоздал и практического значения для казаков Вёшенской станицы уже не имел. События развивались быстрее, чем можно было ожидать.

Слухи о мирных переговорах в Казанской, об их условиях, о намерении красных перейти границу будоражили весь округ. Чтобы отстоять неприкосновенность границ, нужна была военная сила, а остатки полков таяли, как снег под солнцем. Части низовых казаков стремились уйти с территории Верхне-Донского округа домой, подальше от греха, укрыться на родной земле. Меньшинство фронтовиков из бедноты яростно выступило за признание советской власти, за мир на любых условиях. Большинство затягивало переговоры, искало несуществующий компромисс и потихоньку разбрелось по домам, прятало оружие.

27 января командарм 8-й армии Тухачевский приказал начдиву 12-й дивизии занять Казанскую, не ожидая переговоров с казаками. Однако стронуть с места местных красноармейцев, вкусивших прелестей мирной дипломатии, было нелегко. 28 января одновременно собрались сборы в Казанской и Мигулинской станицах. Было объявлено, что красные перейдут границу и будут наступать по казачьей территории. В Мигулинской на сборе объявили, что красные уже заняли пограничные казачьи хутора Казанской станицы, нарушили соглашение. Фронтовики отмалчивались, выжидали. Беженцы из хутора Шумилина стращали станичников поголовными грабежами и насилиями, какие якобы претерпели в родном

³⁵ Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 323

³⁶ Борьба за власть советов на Дону... С. 390

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 193.

³⁸ РГВА. Ф. 100. Оп. 2 Д. 224. Л. 155–155 об.

хуторе от красных. «Вы забыли, небось, Тираспольский отряд. А красные не забыли... Они вам напомнят!» – кричал Дрынкин. Вновь забурлила Мигулинская. Угроза подействовала. Сбор вынес постановление защищать родную станицу совместно с Мигулинским полком до последней капли крови. Лишь 22 казака, вконец разругавшись с остальными, оседлали коней и уехали навстречу красным – сдаваться. По дороге смущение стало одолевать и их. И наконец, в районе хутора Дударевского они были разоружены красным разъездом.

В Казанской в это время многочисленные делегации от всех слоев общества осаждали представителей Богучарского полка, напоминали о прежнем соглашении не переходить границу, согласны были на все что угодно, на какую угодно власть, лишь бы мир «без аннексий» и красные не вступали на казачью территорию. Богучарцы обещали посодействовать, а заодно и устроить в Казанской «показательную» советскую власть. «Сделаем у вас коммуны. Тащите весь хлеб в общественный амбар», – предложили они. После этого казаки 7-й сотни еле отбили красноармейцев у толпы.

30 января командование 12-й стрелковой дивизии сообщало: «В 12 часов получены сведения, что в ст. Казанской никакой власти нет. Казанский полк разошелся по станицам с оружием. Организованный временно ревком, не имея сил, установить порядок не может. Население и казаки грабят военные склады. Большая часть населения ждет прихода советских войск. Приказал занять станицу двумя полками, разоружить население, захватить имеющуюся там батарею... Любимов, Сырцов»³⁹. В тот же день Богучарский полк занял станицу Казанскую. Тогда же 33-й полк Московской рабочей дивизии вступил в северные хутора округа и выслал разведку на Вёшенскую.

Разведчики-делегаты были встречены с честью. В штабе 28-го полка красноармейцам стали рассказывать, что, мол, у казаков с советской властью мир, что договорились не переходить границы... «С кем это вы договорились? – спросили прибывшие. – Ах, с богучарцами... А мы из Московского рабочего. У нас приказ...» Впрочем, намерение москвичей идти на белых по территории округа было встречено Фоминым и его окружением как должное. Многие из оставшихся в станице казаков полка поняли, что обратной дороги нет, меж двух стульев не усидишь...

После митинга и отъезда делегации казаки полка и собравшиеся жители опять заспорили. Известие, что мира как такового нет, что будет он лишь «по уничтожению гнезда», а пока красные, не спросясь, идут по территории области, поколебало ряды сторонников Фомина. Силы его таяли. Еще раньше по приказу явиться 26-го в станицу из конных сотен полка прибыло лишь 30 человек. Поползли слухи о первых конфликтах советских войск с местными казаками.

Красные, вступив на территорию округа, двигались медленно, как по болоту. Сопротивления не было, врага впереди не было, зато в каждом дворе каждого хутора были молодые с прекрасной выправкой казаки, на водопой выгоняли табуны строевых коней, почти в каждом доме были винтовки, а кое-где и пулеметы. Командир 1-й бригады 15-й стрелковой дивизии писал начдиву 25 января: «Необходимо отдать в приказе по дивизии об аресте всех находящихся на хуторах казаков, способных носить оружие, так как на хуторах имеются спрятанные винтовки и патроны, и нам могут ударить в тыл, и кроме того мы лишим возможности противника выступить весной»⁴⁰. 26 января был отдан приказ по бригаде: «При занятии казачьих хуторов не пить воды, молока и не есть пищи, не попробованной самими владельцами»⁴¹.

³⁹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 386. Л. 84–84 об.

⁴⁰ РГВА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 109. Л. 18.

⁴¹ Там же. Л. 27.

Настроение в хуторах стало постепенно меняться. Колеблющиеся казаки настояли, и Фомин приказал раздать жителям все деньги из окружного казначейства (часть денег Мельников все же сохранил «на всякий случай»). Давали всем, «платили красновские долги». Офицеры в штабе 28-го полка сразу подметили, «что важно, так это – изъятие денег и распределение их между казаками с целью сохранить казачье достояние от поползновения красных. Значит, мир с красными – мир “внешний”, да и то заключенный вынужденно»⁴².

31 января Фомин издал грозный приказ № 4.

«§ 1.

Приказываем всем станичным и хуторским советам, и если еще где таковых не образовано, то атаманам станиц и хуторов Верхне-Донского округа, всем проходящим советским войскам оказывать полное содействие и помощь, за неисполнение сего приказа или ведение агитации, направленной против Советских Армий, виновные будут предаваться беспощадному суду»⁴³.

Но советские войска, особенно 8-я армия, продвигались медленно. Путь от Калача до Казанской, пройденный дезертировавшими казаками за три дня, красные, не имея перед собой боеспособного противника, прошли за три недели.

1 февраля на Южный фронт полетела директива главного командования: «Противник против войск Южного фронта разбит и отступает за Дон. Казаки расходятся по станицам. В красновских войсках полное разложение». В связи с этим конечной целью ставилось овладение Новочеркасском и Ростовом-на-Дону.

Но директивы пока лишь писались, приказы по войскам готовились, красноармейцы вглубь округа не шли, освещали местность разведкой, а над головой Фомина и его сподвижников собирались тучи. Атаман Краснов слов на ветер не бросал, и в Каргинской уже скапливались карательные отряды, чтобы идти на Вёшенскую и покарать бунтовщиков. 31 января в Каргинскую прибыл состоявший из текинцев и осетин карательный отряд войскового старшины Икаева.

Каспулат Икаев формировал свою «Терскую сотню» под Ростовом и страшно полюбился ростовскому градоначальнику Грекову, который веселил ростовчан приказами и распоряжениями, полными казарменного юмора. Об Икаеве Греков высказался в одном из приказов с одобрением: «Он не юрист, но дело понимает». «Понимание дела» заключалось в том, что Икаев на свой страх и риск карал налево и направо всех подозрительных в нарушение всех существующих законов, в том числе и красновских. Судебные власти открывали следствие по следам его «подвигов»: «Донской военный суд в распорядительном заседании, состоявшемся 2 октября 1918 года, рассмотрел дело о казни есаулом Икаевым в п. Азове четырех человек: Трута, Казименко, Бондарева и Макаровского, определил: настоящее дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием в происшествии признаков преступления или проступка...» (приказ № 546 по Войску от 18 марта 1919 г.). Лихому осетину все сходило с рук. В этом он чем-то напоминал известного героя польской истории пана Самуила Лаща, который как-то явился на бал к королю в шубе, подбитой судебными постановлениями по его собственному, пана Лаща, адресу. Генерал Денисов, главнокомандующий и управляющий военным отделом правительства, приказом № 193 от 4 ноября 1918 г. передал повышенного в звании Икаева с его отрядом в распоряжение Ростовского градоначальника. Ростовская эпопея войскового старшины Икаева кончилась тем, что его заподозрили в ограблении не то банка, не то ювелирного магазина, и Икаев с сотней спешно отбыл на фронт.

⁴² Кудинцов П. Указ. соч. // Вольное казачество. № 79. С. 8.

⁴³ РГВА. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 687. Л. 103.

1 февраля перебежчик от Фомина рассказал, что красные в 30 верстах от Вёшенской. Времени терять было нельзя, и полковник Овчинников, опираясь на карателей Икаева, объявил мобилизацию.

Прознав о мобилизации в Каргинской, Фомин ударил тревогу. Оказалось, что воевать с «кадетами» желающих мало. Спешно были посланы гонцы к красным с просьбой наступать быстрее, в самой станице Фомин вооружил всех пленных красноармейцев, был также отпечатан приказ о мобилизации против Краснова всех казаков, могущих носить оружие.

2 февраля был самый напряженный день. Толпа на станичной площади ждала прихода красных. Активисты 28-го полка поехали в Еланскую проводить мобилизацию против карателей. Там сбор станицы мобилизацию не утвердил. Казак хутора Кочетовского Губанов, прибывший из красного плена для агитации с полномочиями от комиссара по казачьим делам М. Макарова, неожиданно выступил на сборе и рассказал, что в России голод и страшная разруха, виновата в ней советская власть, и если установить ее в Еланской, то кончится тем же – голодом и разрухой. После сбора две трети казаков разложившегося было Еланского полка оседлали коней и ускакали – одни в Каргинскую, другие в Усть-Медведицкий округ к генералу Гусельщикову.

В Каргинской в полдень были собраны готовые к походу части. Ровно в полдень текинцы Икаева выступили на хутор Токин, чтобы занять его к вечеру и вести разведку на Базки, а на рассвете 3 февраля атаковать Вёшенскую. Мобилизованные казаки должны были выступить следом, но замитинговали. Вслед за Икаевым пошла лишь офицерская дружина.

В станице Вёшенской в полдень конная разведка Московской рабочей дивизии галопом вылетела на площадь. Толпа местных иногородних, собравшихся здесь с утра, разразилась криками приветствий, несколько старушек в первых рядах стали бить земные поклоны. Стая галок, вспугнутая шумом, шарахнулась со станичной колокольни. Заприседали и стали дыбиться кони под красноармейцами. К вечеру в станицу вступила пехота – 33-й и 37-й полки Московской дивизии.

Под Мигулинской в этот день 103-й советский стрелковый полк был встречен перекрестным огнем и криками: «Вас сюда кто звал?» Как оказалось, перед этим в Мигулинскую приезжали офицеры и сказали, что в Казанской население вырезано. Бой в Мигулинской шел три часа. Казаков оттеснили до хутора Подгорского, где бой вспыхнул с новой силой. В нем принимали участие местные жители, и многие ушли с отступающими казаками. Последующие три дня почти все хутора Мигулинской станицы брались с бою.

Отряд Икаева (130 сабель) не решился атаковать Вёшенскую и вернулся в Каргинскую. Там уже хозяйничал карательный отряд Романа Лазарева.

Роман Лазарев – любимец Краснова (в начале Первой мировой войны они служили в одном полку), кавалер ордена Святого Георгия, сподвижник Чернецова, участник Ледового похода, командир карательного отряда из староверов Усть-Белокалитвенской станицы, алкоголик и мародер. «В бою незаменим, в тылу невыносим», – писали о нем сами белые. Краснов ценил в Лазареве исконно донскую лихость и писал о нем в приказах «милый моему сердцу, но беспутный Роман Лазарев».

4 февраля в Каргинскую прибыли еще две калмыцкие сотни, суровыми мерами стали наводить порядок. Ох, и притихла станица Каргинская...

В Вёшенскую в это время вступали свежие части выведенной из резерва Инзенской дивизии. Пока окрыленный Фомин мобилизовывал еланцев, упорно не желавших воевать с «кадетами», офицеры из штаба 28-го полка умудрились «юридически» оформить сложившееся положение. С командованием Инзенской дивизии «офицеры из народа» П.Н. Кудин, Х.В. Ермаков, К.Е. Медведев, П.Н. Ушаков и Г.М. Богатырев заключили соглашение: «Во-первых, казаки открывают фронт красным, но остаются при оружии и разъезжаются по домам. Во-вторых, казаки будут содействовать Красной Армии против монархистов –

Деникина, Врангеля, Краснова – и готовы вступить в Красную Армию. В-третьих, Красная Армия в донском крае не будет чинить репрессии за то, что мы служили у белых»⁴⁴. Впрочем, существование подобного договора официальными документами пока не подтверждается. Единственное свидетельство – письмо П.Н. Кудинова из Болгарии.

Инзенская дивизия не ждала противника, а нанесла опережающий удар. Красная пехота вечером заняла хутора Верхне-Лиховидов, Грачев и Наполов, а конница (13-й кавалерийский полк) – Кружилинский и Грушевский. Ночью конники подходили к Каргинской, но были обстреляны и, взяв левее, связались с митингующими казаками станицы Боковской.

6-го утром Краснознаменный полк Инзенской дивизии начал наступление на Каргин со стороны Лиховидова. Первая атака была отбита. Казаки-староверы станицы Усть-Белокалитвенской из отряда Лазарева даже взяли 8 пленных и пулемет. За первой атакой последовала вторая. Со стороны Боковской показалась конница красных, грозя окружением. В 12 часов каратели и оставшиеся в строю каргинские казаки начали отход на хутор Пономарев. 13-й кавалерийский полк, пополненный недавно сдавшимися хоперскими казаками, гнал их семь верст, вылавливая в ярах отстающих и здесь же наводя им суд «короткий и немилостивый». 9 февраля красноармейцы доносили из Каргинской: «Вчера хоронили здесь убитых в последнем бою казаков, насчитали 18 гробов, но еще не собрали всех».

Казаки Мигулинской и Мешковской станиц дрались, пока не были вытеснены с территории своих юртов. У хутора Вяжа они остановились и думали посылать делегацию к красным. Советское командование опередило их. «По занятии Мешковской, – вспоминал командир Богучарского полка, – мы объявили о всеобщем прощении тем, кто положит оружие и вернется домой. После этого, с нашего разрешения, в погоню за мужьями на санях выехало много казачек. Двигаясь на слободу Дегтево, мы встречали на дороге обозы с возвращающимися казачками, везущими по домам своих и других мужей».

Расходившиеся по домам верхнедонские казаки выносили резолюции одна революционнее другой: «Горячий привет тебе, Владимир Ильич, непреклонный борец за интересы трудового народа. Мы становимся безоговорочно под Красное знамя, находящееся в твоих руках» (казанцы); «Обещая безусловную поддержку нашей Советской власти во всех ее начинаниях, мы, со своей стороны, приложим все усилия к проведению в жизнь всех распоряжений и декретов СНК и ВЦИК...» (боковцы); «Мы все как один готовы в любой момент встать на защиту Советской власти от злостных покушений ее врагов, как внутренних, так и внешних...» (чернышевцы).

По хуторам Вёшенской станицы советские части прошли без выстрела. С 28 января по 4 февраля Московская рабочая дивизия не потеряла ни одного человека. Однако дивизионная разведка докладывала 3 февраля: «Некоторые из полков, хотя и желают Советской власти, но с условием, если будут сохранены у них правлением вольности и мелкая собственность, в противном случае будут снова организовываться без офицеров и продолжают борьбу».

Теперь мне кажется, что, когда я начинал поиски, в основе моих чувств лежала естественная в 23 года жажда сенсации. Я искал злую волю отдельных личностей, повергнувших мою станицу в пучину бедствий, и не находил ни «злой воли», ни «отдельных личностей». Зато все виднее становилась огромная цепь причин и событий, связывающая все, что творилось на Вёшенской земле, со всей страной, со всем миром. Я вдруг увидел, что исход бунта, поднятого казаками, во многом зависел от событий в той же Франции или Германии. Становилось понятно, что иного пути и иного конца у всех мятежей волнений и быть не могло, а предстояло испытать еще больше.

Большинство верхнедонских казаков, проявивших в то время активность против Краснова, не могли сделать зимой 1918–1919 гг. окончательного выбора, так как имели о совет-

⁴⁴ Прийма К.И. С веком наравне. Ростов-на-Дону. 1981. С. 155.

ской власти самое туманное представление, основанное на опыте формальных «Советов» весны 1918 г., где зачастую сидели бывшие атаманы. Подобная «Советская власть» ничего общего не имела с диктатурой пролетариата в условиях военного коммунизма, которая должна была установиться в округе в феврале 1919 г. Пока что позиция бунтующих казаков по отношению к советской власти была нейтральной: временно благожелательной, а это не удовлетворяло до конца ни самих казаков, ни советские органы.

Глава 2

«...Дабы вызвать расслоение казачества» (Из инструкции Реввоенсовета Южного фронта)

Развал Северного фронта и отступление Донской армии вынудили П.Н. Краснова оставить пост Донского атамана. Пернач перешел в руки Африкана Петровича Богаевского.

Богаевский был избран на пост атамана 239 голосами (52 голоса были поданы за Краснова, еще один претендент – генерал Попов снял свою кандидатуру) и сразу же отдал соответствующий приказ:

«Волею Большого Войскового Круга сегодня я избран Донским Атаманом. В печальные дни принял я пернач... Снова, как год тому назад, мрачные тучи нависли над Тихим Доном; померкла доблесть воина в сердцах многих казаков, и, как испуганное робкое стадо, начали они быстро уходить с фронта перед разбойничьими шайками изменника Миронова и других злодеев, бросая родные станицы, стариков, отцов, матерей и жен, детей малых – на страшную смерть и муки, дома и достаток свой на разграбление и гибель... И хоть бы враг-то был силен: ведь еще так недавно те же казаки везде побеждали его и захватывали огромную добычу!

Опомнитесь, родные донцы! Ведь вы сражаетесь за свою же семью и достояние, за право жить по своему обычаю, за свободу и вольность казачью! Оглянитесь назад на брошенные вами родные станицы, что сделали с ними те, кто говорил вам, что воюет не с вами, трудовым казачеством, а с буржуями и богачами.

Мужайтесь, родные! Уже недалеко помощь, уже родные братья наши кубанцы идут к нам, добровольцы уничтожили все красные полки на Кубани и Тереке и теперь бьют их в районе Дебальцево – Луганск. Уже партизаны генерала Семилетова из Новороссийска пришли в родную мне Каменскую, горя желанием вступить в смертный бой с подлыми изменниками и грабителями; главнокомандующий всеми вооруженными силами на Юге России доблестный генерал Деникин посетил наш Войсковой Круг и обещал всеми силами помочь Дону.

Пройдет немного времени, – и я верю, что казачьи полки с новой силой неудержимо погонят врага с родной земли!

Далеко зашел он, не званный и не прощенный, и теперь уже сам чувствует тревогу за свой беспорядочный грабительский тыл: ведь там позади его скоро, скоро горячие лучи весеннего солнца растопят лед старого Дона, Хопра и Медведицы, и в их бурных волнах найдет свою могилу тот, кто не успеет вовремя уйти».

Текст приказа попал к большевикам 27 февраля (12 марта). «Вывод: если верить витиеватым словам ат. Богаевского, то можно думать, что упорство казаков еще не сломлено, и что они еще будут вести борьбу с целью возвращения Донской области», – отметили красные штабисты⁴⁵.

Красные продолжали давить. Красное главное командование отмечало: «...Необходимо было развивать зимнюю кампанию с полной интенсивностью с тем, чтобы использовать наше выгодное положение как стороны, наступающей пехотными частями, более приспособленными к ведению зимней войны против казаков, которые, воюя против нас на конях, к продолжительной зимней кампании были совершенно неспособны. Продолжительные зимние бои должны были совершенно уничтожить казачью конницу и вывести казаков

⁴⁵ РГВА. Ф.100. Оп. 3. Д. 335. Л. 96.

из строя, что большей частью и случилось»⁴⁶. Вацетис заявил это 4 (17) апреля 1919 г. Но, как показали дальнейшие события, уничтожить казачью конницу не удалось.

Новый Донской командарм генерал Сидорин писал: «Наша армия без всякого сопротивления, без боев, от каждого выстрела неумолимо отходила, расстраивалась все более и более. Развал был настолько велик, что когда я в первый раз после моего назначения... ознакомился с положением, то картина развала даже на меня произвела удручающее впечатление. Когда я впервые столкнулся с командным составом, то уже у всех опустили руки. Даже не делалось попыток, чтобы привести воинские части в порядок, и дело считалось совершенно проигранным»⁴⁷.

Казаки продолжали разбегаться по домам: «Мы, люди вольного Дона, любим природу и свободу»⁴⁸. Офицеры еще держались. Приказ № 13 от 21 января (3 февраля) перечислял офицеров, самовольно покинувших строй. Таковых нашлось 124, в основном – из Южной армии и неказаки из Донской.

Впрочем, не все было так плохо. Под Луганском с 12 (25) января держался с 2-й Донской дивизией генерал П.И. Коновалов. В день открытия Круга – 1 (14) февраля – под Маньково-Березовской казаки Гусельщикова разбили преследующие верхне-донцов левофланговые части 8-й армии красных.

Верхне-Донские казаки, сбитые с линии Чира, отступали под командованием произведенного в полковники Р. Лазарева. Инзенская дивизия преследовала их. Отряд Гусельщикова, потрепанный в Усть-Хоперской и бросивший раненых в Усть-Медведицкой, на подводах совершил переход до Обливской, а оттуда через Милютинскую поспешил навстречу отступавшим верхне-донцам и подоспел им на помощь. Прикрывавший отступление Верхне-Донского отряда Роман Лазарев послал Гусельщикову донесение: «Доношу, что красные, переправившись через реку Березовка, наступают со стороны Грекова. Удерживаться на занимаемой мною позиции без посторонней помощи трудно, а потому прошу Ваше Высокопревосходительство дать в мое распоряжение 2–3 пушки и не забыть, что я не двуличный». Гусельщиков ответил: «Будем держаться. А жил много у казачества»⁴⁹. Гусельщиков объединил силы:

23-й Гундоровский пеший полк – 690 штыков.

48-й Луганский пеший полк – 221 штык.

Богучарский отряд – 260 штыков.

Каргинские добровольцы – 110 штыков.

Отряд Лазарева – 86 штыков, 300 шашек.

Верхне-Донской полк – 500 шашек.

Каргинская пешая сотня – 183 штыка.

Милютинская сотня – 170 штыков, 50 шашек.

Всего: 1550 штыков, 850 шашек.

Бой у хутора Петровского южнее указанной слободы носил встречный характер. Гусельщиков отбросил 4 полка пехоты и полк кавалерии красных в слободу Маньково-Березовскую. Второе наступление красных было встречено контратакой, дело дошло до штыков, и красные бежали в Селивановку и слободу Саринovu. Казаки взяли 15 пулеметов и 200

⁴⁶ Из истории Гражданской войны в СССР. Т.2. М., 1961. С. 84.

⁴⁷ Цит. по: Дедов И.И. В сабельных походах. Ростов-на-Дону. 1989. С. 82.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 84. Д. 7. Л. 158.

⁴⁹ Сполох С. История одной казачьей станицы. М., 2005. С. 255.

пленных. Командир Гундоровского полка войсковой старшина Фетисов был ранен. Фетисова произвели в полковники, Гусельщикова, руководившего боем, – в генерал-лейтенанты.

В критической ситуации замены невозможно было провести ни в командном составе, ни в структуре армии. Спасать ситуацию приходилось на бегу, подручными средствами.

Из-за изменения стратегической обстановки поменялись планы красного командования. 14–15 (27–28) января Добровольческая армия активизировалась в Донецком бассейне, силы ее здесь возросли втрое. В результате 31 января (13 февраля) последовала директива сосредоточить главный удар в Луганском направлении. 8-я и 9-я армии поворачивались на Ростов – Новочеркасск, а 10-я армия должна была ударить на Великокняжескую.

Для перестроения нужно было время, а пока на Луганск перебрасывались свободные резервы. Армии же смещались медленно и постепенно. 8-я армия главный удар наносила в районе Миллерово и должна была выйти к Донцу на участке от Гундоровской до реки Калитвы. 9-я армия растягивалась на 200 верст. Левый фланг ее спешил на Нижне-Чирскую, в тыл Мамонтову, стоявшему под Царицыном, а правый должен был, сменив части 8-й армии, ударить на Гусельщикова. Между двумя крыльями, растянувшись, шла мироновская конница.

Исходя из этого, у донцов сразу определились два узла сопротивления: Гусельщиков в Маньково-Березовской, оказавшийся на стыке 8-й и 9-й армий красных, и части недавно созданного Западного фронта – против узловой станции Миллерово. Между ними «на расстоянии 100–150 верст фронта не было»⁵⁰.

Левофланговые части 8-й армии красных, потрепанные Гусельщиковым, приняли вправо (в сторону Миллерово), а на Гусельщикова навалились 16-я и 23-я советские дивизии, сведенные в одну Ударную группу под командованием Миронова. 4 (17) февраля красные, рискуя, вклинились вдоль разлившегося Чира меж Гусельщиковым и хоперцами. Четыре дня шли бои. Под угрозой быть отрезанным Гусельщиков отступил верст на 40 с реки Березовой на Гнилую и вниз по Гнилой на Быструю. Ему отбили приказ «ради спасения Дона» остановиться у слободы Скасырской, но 9 (22) февраля оказалось, что он уже в слободе Карпово-Обрывская, и фронт оголен на много верст.

10 (23) февраля Сидорин запросил помощи у Деникина.

«В.срочно. Оперативная. Екатеринодар. Генералу Деникину.

...Больше резервов нет, и нечем подкрепить нашу группу, прикрывающую Зверево – Лихая с севера. Таким образом, создается уже непосредственная угроза этому узлу, с потерей которого совершенно нарушается управление и питание остатков Донской армии, а следовательно, обнажается Новочеркасск. Нужны экстренные меры для подачи резервов в район Зверево – Лихая и закрепления этого узла за нами. О последующем прошу уведомить. Командарм Сидорин. 10 февраля. № 849/к»⁵¹.

Деникин обещал перебросить Кавказскую армию на Воронежское направление. Первую дивизию – в район Дебальцево – Алексеево – Леоново не ранее 14 (27) февраля; посадка второй дивизии в эшелоны должна была начаться 12 (25) февраля и сосредоточение ее на линии Новочеркасск – Миллерово планировалось не ранее 22 февраля (7 марта). На следующие две дивизии надо было отвести еще 10–12 дней.

Пока шла ожидаемая помощь, разгорелись бои у Карпово-Обрывской. Красные по правому берегу реки Быстрой вышли к хутору Маслову. 11 (24) февраля отряд Гусельщикова отразил запутавшиеся в тумане мироновские полки. Красные впоследствии писали, что бой шел с переменным успехом, но после обеда «густой туман настолько спутал все наши части, что пришлось отступить на свои исходные позиции».

⁵⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М. 1991. Т. 4. С. 139.

⁵¹ Трагедия казачества // Вольное казачество. № 151. 1934. С. 12.

Белые заявляли, что это была редкая победа. За бой под Карпово-Обрывской 783 казака Гундоровского полка впоследствии были произведены в подхорунжие.

Но 12 (25) февраля от Морозовской по железной дороге навалили красные бронепоезда, а 13 (26) февраля красные стали обходить Карпово-Обрывскую с запада. Гусельщиков, прикрывшись метелью, отскочил, открыв фронт на 60 верст. Штаб Северного фронта, оказавшись под угрозой окружения, отдал приказ всем частям уходить за Донец, а Гусельщичкову – держаться у Погорелово – Грачи до 24 часов 14 (27) февраля.

Железная дорога до Лихой была забита. Штаб фронта из Тацинской смог добраться лишь до разъезда Грачи и провел ночь без сна практически на боевой линии. На другой день штаб каким-то чудом успел переправиться и стал на станции Репной. Опасаясь быть отрезанными, стали отходить за Донец части Западного фронта от Миллерово и отошли 17 февраля (2 марта).

После ухода за Донец началось следствие по действиям Гусельщикова. Многие считали, что одной из причин этого была прощальная поздравительная телеграмма Краснова, где он упоминал двух донских героев – Гусельщикова и Лазарева.

Впрочем, казачеству нужен был народный герой вроде Гусельщикова. И следствие закрыли. Более того, контуженного Гусельщикова 24 февраля (9 марта) чествовали на Круге как героя Дона. Круг вынес постановление о награждении его орденом Святого Георгия.

Красные стремились на плечах отступающего противника перейти замерзающий Донец и ударить на Новочеркасск. Впрочем, Новочеркасск уже рассматривался как второстепенная цель. Донская армия считалась разбитой. 17 февраля (2 марта) главком Вацетис указал командованию Южного фронта: «Прошу обратить внимание на более энергичные действия частей 8-й и 9-й армий в направлении на станцию Лихая и оттуда в тыл частей противника, сражающегося в Донецком районе и севернее»⁵². Но и на Новочеркасск и на Лихую путь лежал через Донец.

13 (26) февраля 9-й армией был получен приказ захватить ко 2 марта по новому стилю (17 февраля) линию реки Донец по линии Богураев – Ясиновский – Синегорский – Виноградный.

16 февраля (1 марта) красные вышли к Донцу у станицы Екатерининской, перешли реку и заняли хутор Синегорский. Казаки отошли к хуторам Семимаячному, Грушевому и Чернышеву. 17 февраля (2 марта) красные атаковали Усть-Белокалитвенскую, но были отбиты. 18 февраля (3 марта) они из Синегорского двинулись к хутору Мечетному, чтобы обойти Усть-Белокалитвенскую с тыла, и атаковали хутор Семимаячный. Фактически линия Донца была прорвана.

Дальнейшим движением вдоль линии железной дороги части 9-й армии красных могли отрезать казаков в Калитвенской и Каменской и занять Лихую. Положение казаков стало критическим. Вдобавок 15–18 февраля (28 февраля – 3 марта) восстали крестьяне 13 волостей Таганрогского округа.

Донские части, противостоящие этому наступлению, были обескровлены. Полковник Фолометов, временно командующий Гундоровским полком, 19 февраля (4 марта) доносил Гусельщичкову: «Прошу покорно дать от своего имени телеграмму командующему Донской армией с просьбой отдать категорическое приказание окружному атаману Донецкого округа и станичному атаману Гундоровской станицы о немедленной высылке в Георгиевский полк всех казаков, высланных в станицу для сопровождения больных и раненых, а также по другим причинам выбывшим временно из полка.

Славный Георгиевский полк легендарного отряда народного героя генерала Гусельщичкова не должен распасться и погибнуть от недостатка людей.

⁵² Южный фронт (май 1918 – март 1919). Сборник документов. Ростов-на-Дону. 1962. С. 364.

Считаю своим долгом доложить, что вверенный мне отряд, неся службу на сторожевых участках большого протяжения, сильно переутомился и страшно уменьшился в количестве бойцов»⁵³.

Помощи от «добровольцев» пока что не было. 16 февраля (1 марта) генерал Романовский сообщил штабу Донской армии, что Кавказская Добровольческая армия будет переброшена в район Дебальцево – Чистяково – Александро-Грушевск, но «главнокомандующий категорически запретил до окончания сосредоточения всей кавказской армии вводить в бой дивизии по частям»⁵⁴.

У донского командования оставался последний резерв – 1-я Донская дивизия, стоявшая гарнизонами в Ростове, Таганроге и Новочеркасске. 14 (27) февраля дивизию стали грузить в эшелоны, чтобы отправить на Донец. 18 февраля (3 марта) 1-я бригада дивизии («Донская гвардия») без дивизиона Атаманского полка прибыла в хутор Грушенский, где размещался штаб командующего хоперскими войсками Савватеева.

Хоперские полки были деморализованы, боеспособность сохранил один Бузулукский полк. Кроме того, удалось мобилизовать стариков местных станиц – Морозовской, Ермаковской и Усть-Белокалитвенской – и свести в отряд полковника Овчинникова. Однако с приходом 1-й бригады 1-й Донской дивизии, то есть донской гвардии, командующий здесь войсками Савватеев решил атаковать красных.

На рассвете 19 февраля (4 марта) пешие сотни гвардейской бригады от хутора Грушенского повели наступление на Семимаячный, а конные от хутора Дубового на Ясиноватый. Правый фланг бригады был прикрыт отрядом Овчинникова.

Семимаячный был взят с ходу, затем гвардейские казаки (пешие сотни) под огнем, неся потери, преследовали красных до станицы Екатерининской, где передали преследование отряду Овчинникова.

Конные сотни бригады вышли к хутору Мечетному и южнее его столкнулись со 199-м стрелковым полком мироновцев.

Может быть случайно, а может быть по аналогии с событиями февраля 1918 г. (тогда большевики, наступая на Новочеркасс, первыми двинули вперед красных казаков Голубова), но в последний рывок через Донец пошли красные казаки и иногородние мироновской дивизии.

Под хутором Мечетным 1500 красных были атакованы лавой в 200 всадников. Согласно донесению полковника Фарафонова, было взято 3 орудия, 7 пулеметов, 150 снарядов, 130 винтовок, 38 пленных, много имущества. На поле боя осталось около 400 трупов и много несобранного оружия. Казаки потеряли 2 офицеров и 2 казаков убитыми, 13 казаков и 13 лошадей ранеными.

Занятый красными плацдарм был ими очищен.

«Выдвинутая на фронт молодая гвардия, и главным образом казаки ближайших станиц, 19 февраля (4 марта) дают первый отпор противнику», – констатировал донской историк⁵⁵.

Наступательный порыв красных заметно угас. Командующий Ударной группой Ф.К. Миронов переводился за Западный фронт и 21 февраля (6 марта) прощался с дивизией в слободе Карпово-Обрывской.

22 февраля (7 марта) Богаевский тем не менее заявил: «Сегодня положение, быть может, еще тяжелее, чем было вчера». Неожиданный мороз сковал Дон и Донец. Реки не могли служить препятствием. Герой Дона – генерал Гусельщиков – был контужен. Надежда оставалась на гвардию.

⁵³ Сполох С. Указ. соч. С. 256–257.

⁵⁴ Вольное казачество. № 151. 1934. С. 13.

⁵⁵ Добрынин В. Борьба с большевизмом на Юге России. Прага, 1921. С. 69.

22 февраля (7 марта) 1-я Донская дивизия, пополненная дивизионом атаманцев, 3-м Калмыцким полком, Донским учебным полком и четырьмя батареями (1, 2, 6-й гвардейской и 27-й), повела наступление на Усть-Быстрянскую, занятую 16-й стрелковой дивизией красных. Красные контратаковали и даже сбили Учебный полк. Бой закончился вничью, но ночью красные ушли за Донец.

В тот же день, 22 февраля (7 марта), сменивший Миронова начдив Голиков отдал приказ о новой переправе через Донец.

Чуть западнее, у станицы Каменской, Донец пыталась форсировать 12-я стрелковая дивизия красных. 21 февраля (6 марта) вечером красные по льду перешли Донец и заняли хутор Рыгин и Каменскую, но утром 300–350 семилетовских партизан подошли от разъезда Северо-Донецкого, ворвались в Каменскую и в бою со 101-м советским полком отбили мост через Донец.

Подхлестывая рвущихся через Донец красноармейцев, штаб Южного фронта 23 февраля (8 марта) отдал приказ 8-й армии овладеть районом Лихая – Зверевево и не позже 12 марта выйти на линию Таловый – станция Провалье – станция Черевково – Малый и Большой Федоровские, то есть развернуть фронт против Александро-Грушевска. 9-я армия должна была пристроиться к 8-й с востока от хутора Садки до устья Донца⁵⁶.

Но организованной общей переправы у красных не получилось. 24–25 февраля (9–10 марта) очередные попытки взять Каменскую и Гундоровскую были отбиты.

На участке 9-й советской армии красным повезло больше. 24 февраля (9 марта) с 7 утра они повели наступление через Усть-Белокалитвенскую переправу, через железнодорожный мост ниже по течению Донца и через хутор Какичев (последняя колонна через Какичев направлялась на станицу Екатерининскую). Противостоявший им Гундоровский полк опирался на хутор Бугураев. Там, возле Бугураева, 23 февраля (8 марта) сошел с рельсов белый бронепоезд «Иван Кольцо». Красные пытались его захватить, гундоровцы – отстоять. «Партизаны полковника Корнилова, юные мальчишки в количестве полтора человека, присланные на помощь, потеряв около сорока человек убитыми, разбежались», – вспоминал Фолометов⁵⁷. Гундоровцы, дравшиеся под командованием В.Н. Усачева, отбивая атаки красных, потеряли в этот день 170 казаков и 17 офицеров. Под Фолометовым было убито три лошади. К концу дня гундоровцы отступили, оставив тела погибших на поле боя. Красные тоже ушли за Донец.

Однако после ряда боев 25 февраля (10 марта) 250 матросов 202-го полка 23-й стрелковой дивизии под командованием В. Грота форсировали Донец около Усть-Белокалитвенской станицы, сбили два обескровленных полка – Гундоровский и Луганский, – захватили 4 пулемета и заняли хутор Мечетный.

В разгар боев, 24 февраля (9 марта), донское командование обратилось к «добровольческому»: «Части Донской армии, особенно Северного фронта, вследствие огромной убитыми, ранеными и больными, ослаблены до крайности. Малейший нажим со стороны противника даже небольшим кулачком на фронте от ст. Усть-Быстрянской до ст. Калитвенской может привести к созданию такого положения, которое вынудит нас отдать приказ об отходе к югу от р. Донец и бросить Зверевский узел, дабы уберечь войска Западного фронта. Резерва, которым можно было бы парировать удар противника на участке Северного фронта, нет. Кризис может назреть настолько быстро, что всякое сношение с Вами окажется запоздалым. Ввиду изложенного и по приказанию командарма, прошу с доклада главнокомандующему уведомить срочно, разрешает ли главнокомандующий в случае крайности использо-

⁵⁶ Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 2. М., 1972. С. 221.

⁵⁷ Сполох С. Указ. соч. С. 278.

вать для боя его резерв, сосредоточенный ныне в окрестностях и к северу от Новочеркасска. № 1225/к. Кельчевский»⁵⁸.

Резерв, собираемый Деникиным, был значителен. 18–21 февраля (3–6 марта) из района Дебальцево в район Шахтная – Александрo-Грушевск «в резерв главнокомандующего» была переброшена Кавказская дивизия. 21 февраля (6 марта) было приказано разместить в районе Персиановки 1-ю и 2-ю бригады 1-й Кубанской дивизии (2-й и 3-й Сводно-Кубанские полки, 2-й Уманский полк и 2-й Запорожский полк) и 1-я и 4-я Кубанские батареи. В районе Кривянской разместили 3-ю бригаду 1-й Кубанской дивизии (2-й Лабинский и 2-й Черноморский полки) с артиллерией. В самом Новочеркасске стали штаб корпуса, Гвардейский дивизион и гаубичная батарея 1-й Кубанской дивизии. В Персиановке разместился авиационный отряд в 8 аэропланов.

Но 26 февраля (11 марта) Романовский телеграфировал в штаб Донской армии, что Кубанский корпус сосредотачивается в районе Александрo-Грушевска не для прикрытия фронта, а для крупной стратегической операции, и что донцы должны прикрыть фронт своими силами⁵⁹.

Поскольку резервов не было, 28 февраля (13 марта) на Мечетный с юга повела наступление Гвардейская донская бригада, пешие сотни – на хутор, конница – в обход с юго-востока. Красные, не принимая боя, ушли за Донец. Впоследствии в наградных документах они отметили, что все это время – с 25 по 28 февраля (10–13 марта) – они три дня пробыли из кольца.

Потеряв плацдарм, красные, как считали казачьи историки, потеряли «возможность нанести удар по кратчайшему направлению на решающую линию Новочеркассск – Ростов, причем в момент, критический для Донской армии»⁶⁰.

Как бы не веря в спасение, донское командование 1 (14) марта передало в войска: «Командующий войсками Северного фронта приказал продержаться еще три-четыре дня и не пустить противника на западный берег Донца. Дать возможность нашим братьям казакам кубанцам и терцам, а также горцам закончить сосредоточение в районе станции Шахтная для нанесения удара по красным и организации наступления всех наших войск на Донском фронте»⁶¹.

Приказ вступить в бой с красными деникинцы получили лишь на царицынском направлении. Именно на царицынском направлении впервые вступили в бой с красными прибывшие на Донской фронт кубанцы. Еще 3(16) февраля кубанские эшелоны со станции Кушевка были направлены на Царицын. 2-й Кубанский конный полк 11–12 (24–25) февраля занял позиции у хуторов Чекунова и Подстепного на левом берегу Дона у станицы Есауловской. Конница Буденного встретила кубанцев 17 февраля (2 марта).

Еще 16 февраля (1 марта) красное командование отметило: «Стремительность отступления противника несколько уменьшилась»⁶². Тогда же пришло сообщение, что «части... ведут упорный бой за обладание станцией Жутово, противник, поддерживаемый все время подходящими кубанскими частями, оказывает упорное сопротивление, переходя в контратаки»⁶³.

⁵⁸ Вольное казачество. № 151. 1934. С. 13.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Оприц И.Н. Лейб-гвардии казачий Е.В. полк в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Париж. 1939. С. 164.

⁶¹ Цит. по: *Сполох С.* Указ. соч. С. 259.

⁶² РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 331. Л. 320.

⁶³ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 331. Л. 321.

17 февраля (2 марта) красные отметили: «С прибытием кубанских и кавказских частей противник стал проявлять активность»⁶⁴.

19 февраля (4 марта) был отдан приказ донским и кубанским войскам отойти за Сал с целью сократить фронт и образовать маневренный резерв. 27 февраля (12 марта) красная конница вышла к Салу и заняла станцию Ремонтная.

Донские войска, отошедшие за Донец и Сал, были крайне малочисленны. По данным на 21 февраля (6 марта) 1919 года:

Западный фронт – 377 офицеров, 1061 штык, 2423 шашки, 33 орудия, 294 пулемета;

Северный фронт – 7956 штыков, 4072 шашки, 46 орудий, 37 пулеметов;

Восточный фронт (без 8-го корпуса, в который были сведены отряды Татаркина и Голубинцева бывшего Северо-Восточного фронта) – 2408 штыков, 1285 шашек.

Таким образом, под рукой командования было 20 965 штыков и 7780 шашек. Армии удалось сохранить 108 орудий и 441 пулемет⁶⁵.

Качество отступивших за Донец и Сал войск было низким.

Большевистское командование подводило итог к 16 февраля (1 марта) 1919 г. За 4 месяца из 56 000 Донской армии (большевики, видимо, не брали в расчет «Молодую армию») открытое возмущение проявили 9000 (16 %), перешли на сторону большевиков 16 000 (28,5 %), были расформированы 15 000 (27 %), остались надежными 16 000 (28,5 %) ⁶⁶.

На Круге новый командующий Донской армией генерал В.И. Сидорин говорил: «Весь Черкасский округ заполнен дезертирами со всех округов, и собрать их – задача чрезвычайно трудная»⁶⁷. Местные станичные власти не обращали на дезертиров никакого внимания. «Под шумок правящие сферы сплавляли из Новочеркасска свои семьи...»⁶⁸.

В феврале на вокзале в Ростове скопилось 800 раненых, которых не могли распределить по госпиталям. Всего раненых и больных насчитывалось 12 000, из них 30 % – симулянты.

Командование 14-й советской дивизии вспоминало: «Что ни дом – то лазарет, что ни амбар – то горы трупов. Страшный сыпной и возвратный тиф косил остатки Донской армии, заражая и наши части...»⁶⁹.

Главное командование армиями Антанты, изучая материалы о возможности интервенции в России, 6 марта 1919 г. дало Донской армии следующую характеристику: «Солдаты устали от борьбы, пали духом, наблюдается пассивное безразличие, растущая дезорганизация войск; недавние поражения, в результате которых Донская армия отступила к Новочеркасску, создают критическую ситуацию. Армия не способна к победе. Мало оснований для того, чтобы полагаться на нее при действиях в России»⁷⁰. Добровольческое командование, судя по всему, разделяло мнение союзников.

Советское командование в это же время, 8 марта, заявляло: «Донской армии, как боевой силы, не существует, фронт держится исключительно добровольцами». Всего на Донском фронте из 44 000 белых 17–18 000 были добровольцами⁷¹.

⁶⁴ Там же. Л. 323.

⁶⁵ Бугураев М. Поход к восставшим // Родимый край. № 104. 1973. С. 14.

⁶⁶ Какурин Н. Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. Диаграмма.

⁶⁷ Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 – март 1919). Ростов-на-Дону. 1965. С. 217.

⁶⁸ Добрынин В. Дон в борьбе с коммуной на Донце и Маныче (февраль – май 1919 г.). Прага. 1922. С. 11.

⁶⁹ Цит. по: Хмелевский К.А. Указ. соч. С. 220.

⁷⁰ Из истории Гражданской войны в России. М., 1961. С. 22–23.

⁷¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Л. 102 об.–103.

Однако уже 13 марта советское командование констатировало: «Отмечается решительная настойчивость Донского командования по воссозданию армии»⁷².

Прежде всего, с выходом советских войск к железной дороге Лихая – Царицын и к линии Донца изменилось настроение местного населения. В этой местности уже имелся опыт жизни «под Советами», здесь весной 1918 г. уже шли бои с войсками Ворошилова. Кроме того, многочисленное местное крестьянское население, поддерживая красных, стало грабить казачьи станицы. Так произошло в станице Луганской: «Бери, бери, – говорили хохлы. – Цэ ж наше риднэ. Понаграбили козаки повнисеньки дома и сундуки усякого добра, но цэ все наше – бери...»⁷³.

⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Л. 122 об.

⁷³ ГАРФ. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 10. Л. 28.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.